

G3350

F3

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

PG3350
.F3

This book is due at the WALTER R. DAVIS LIBRARY on the last date stamped under "Date Due." If not on hold it may be renewed by bringing it to the library.

[illegible]

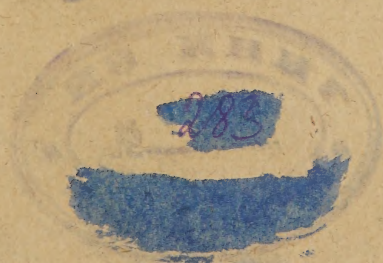
Digitized by the Internet Archive
in 2026 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Н. Н. ФАТОВ

А. С. ПУШКИН

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ОЧЕРК

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1921

Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Н. Н. ФАТОВ

A. S. PUSHKIN

А. С. ПУШКИН

НАУЧНО - ПОПУЛЯРНЫЙ ОЧЕРК

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1921

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Предлагаемая книжка возникла из лекций, читанных мною неоднократно как в Москве, так и в провинции, преимущественно перед пролетарской аудиторией или перед учащимися. Для них же, т.-е. для рабочих, крестьян и учащихся, и предназначается настоящее издание.

В дни Великой Русской Революции, которая всколыхнула некультурные слои общества и заставила их лихорадочно рваться к науке, к просвещению, ранее для них недоступному, перед русским пролетариатом неминуемо встает вопрос об отношении к культурным ценностям нашего прошлого. Раздаются порою голоса, что эти ценности, как продукт буржуазной культуры, нам вовсе не нужны, что пролетариат должен построить свою, новую, культуру. Но такое решение вопроса было бы глубоко ошибочным и губительным.

Да, пролетариат должен построить новую культуру, и он построит ее; но, во-первых, культура строится веками, во-вторых, хотя буржуазная культура, действительно, имела немало дурных сторон и сама по себе, и особенно потому, что часто служила привилегированному меньшинству орудием угнетения масс,—это вовсе не значит, чтобы в ней, в культуре пережитой уже нами эпохи, не было сторон поистине ценных, вечных, общечеловеческих.

Нет сомнений, что вся наша культура XIX века, в том числе и наша литература, была продуктом той общественной психологии, которая сложилась на основе дворянско-крепостнических отношений. Почти все наши крупнейшие писатели были представителями господствующего дворянского класса, но тем не менее они создали такие ценности, которые было бы безумием отбросить и которые необходимо и нам хранить и изучать.

Говоря о Пушкине, мы хотели разъяснить его значение и ценность тем, кто имеет о нем лишь смутное понятие или же превратное представление, почерпнутое из какого-нибудь плохого учебника (поэтому и обилие цитат)¹⁾. Преследуя такую цель, мы, конечно, не могли коснуться всех

¹⁾ Все цитаты из Пушкина, за исключением тех случаев, где это особо оговорено, делаются по изданию соч. Пушкина фирмой Брокгауз и Ефрон под ред. проф. С. А. Венгерова. Во всех сносках и ссылках это издание будет сокращенно обозначаться: «Соч.» Следующая затем римская цифра обозначает том, арабская—страницу. Пушкинский текст

сторон творчества Пушкина; многое сознательно оставляется нами в тени, или как наиболее трудное для понимания, или как не могущее вызвать особого интереса в условиях переживаемого момента. Мы старались выдвинуть на первый план лишь то, что представляется наиболее ценным именно теперь, при переоценке старых ценностей, при первых попытках создать новую культуру. Это, неминуемо, повело к тому, что Пушкин представлен нами в несколько упрощенном и схематическом виде. Для желающих ознакомиться с творчеством Пушкина подробнее и обстоятельнее, мы присоединяем ряд соответствующих указаний в последней главе.

Москва, 1919, X, 24.

Н. Ф.

Р. С. Считаю своим долгом выразить глубокую благодарность Профессору Московского Университета Павлу Никитичу Сакулину, советами которого я пользовался при составлении настоящей книжки, и которому я вообще очень многим обязан, как его ученик, и Валерию Яковлевичу Брюсову, который рецензировал мою работу, и благодаря которому она появляется в печати в издании Государственного Издательства.

переводится на новое правописание, при чем, однако, сохраняются некоторые особенности пушкинской орфографии, например, очень характерные для нее прописные буквы, окончания прилагательных в имен. пад. муж. р. ед. ч. на «-ой», форма личного местоимения «они», где «они» разрушило бы рифму и т. д. В тех случаях, где неправильная пунктуация, точнее—отсутствие ее, затрудняет смысл, мы позволяем себе расставлять знаки препинания, согласно современным правилам и смыслу.

ВСТУПЛЕНИЕ.

(Непонимание Пушкина и причины его. Самооценка поэта.)

Трудно представить себе грамотного русского человека, который не слыхал бы о Пушкине, не знал бы, что он считается величайшим русским поэтом, не читал бы хотя некоторых его произведений. Но если все знают и читали Пушкина, то лишь очень немногие правильно понимают значение и смысл его творчества.

Пушкина не понимали и при жизни, не понимали и после смерти, не понимают часто и сейчас, даже люди, думающие, что они знают литературу.

Разнообразие оценок, которые давались Пушкину после его смерти вплоть до наших дней,—поразительно. Одни считали его певцом свободы, другие—верноподданным императора Николая I и изменником делу свободы. Известный талантливый критик 60-х г.г.—Писарев, доказывал, что Пушкин не имеет никакого общественного значения, считал его лишь певцом «звуков сладких и молитв»; другие, наоборот, видели в Пушкине прежде всего поэта-гражданина. Долгое время считали Пушкина «певцом дамских ножек»; мы видим в нем первого провозвестника идеалов женского равноправия. Великий русский писатель Достоевский толковал поэзию Пушкина, как призыв к смирению; мы видим в ней, наоборот, бодрый призыв к деятельности и борьбе. Одну из главных героинь Пушкина—Татьяну—Достоевский считал идеальной русской женщиной; мы видим в ней скорее печальную жертву своей эпохи и среды. Наконец, ряд произведений Пушкина, на которые долгие годы не обращали никакого внимания, мы теперь считаем самыми важными и значительными

Чем же объяснить такое разнообразие мнений и такое непонимание? Причин тут не мало. Прежде всего, нужно иметь в виду очень слабый культурный уровень нашего общества. За объяснение Пушкина брались люди, хотя иногда и талантливые, но не получившие достаточно широкого образования или подходившие к Пушкину с определенным желанием найти у него взгляды, близкие к своим собственным. Есть, однако, причины и другого рода. Они лежат в самом творчестве Пушкина, понять смысл которого не так-то легко. Пушкина надо слишком хорошо знать, и

слишком много надо знать вообще, чтобы понять его. К Пушкину нельзя подходить с какой-нибудь одной меркой, рассматривать его с какой-нибудь одной стороны. Пушкин слишком многосторонен, многолик, многогранен, как часто его называют. Он на все отзывался, как гениальное эхо, все явления жизни интересовали его, обо всем он хотел сказать свое слово.

Творчество Пушкина слишком обширно, слишком много у него идей, образов, мыслей, чтобы можно было в небольшой книжке рассмотреть все ценное у Пушкина, разъяснить и осветить все стороны его творчества. Мы, поэтому, попытаемся остановиться лишь на самом главном, постараемся показать, чем Пушкин нам дорог прежде всего.

Самым правильным путем в оценке Пушкина—будет идти за ним самим, и обратить внимание на то, что он сам в себе ценил и ставил выше всего.

Незадолго до смерти Пушкин, как бы предчувствуя ее, пожелал подвести итоги своей деятельности, и в стихотворении «Памятник» (1836 г.) определил свое значение такими словами:

«И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я Свободу
И милость к падшим призывал»¹⁾.

Надо заметить, что эти строки Пушкин написал не сразу, а после долгого, очевидно, раздумья. Сохранилась пушкинская рукопись «Памятника», где можно прочитать²⁾, что первоначально было написано так:

«И долго буду тем любезен я народу,
Что звуки новые для песен я обрел,
Что вслед Радищеву восславил я Свободу,
И милосердие воспел»²⁾.

Если Радищев—«рабства враг», оказался зачеркнутым Пушкиным, то это понятно. В те годы невозможно было упоминать имени Радищева в печати, но замена второй строчки, говорящей о том, что поэт «звуки новые для песен» «обрел», строкой—«что чувства добрые я лирой пробуждал»—очень знаменательна. Пушкин действительно «обрел звуки новые»; он имел право этим гордиться и ставить это себе, как поэту, в заслугу. Он довел до небывалого совершенства русский стих, создал язык необы-

¹⁾ Соч., т. IV, стр. 44. Цензура той эпохи не сочла возможным допустить к печати эти строки, и Жуковский переделал их так:

«И долго буду тем народу я любезен,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что прелестью живой стихов я был полезен,
И милость к падшим призывал».

(Сочинения Пушкина, изд. П. В. Анненкова, СПб., т. III, стр. 70). Так печатался потом «Памятник» в плохих, непроверенных, изданиях сочинений Пушкина; к сожалению, в таком искаженном виде две первые строчки этого замечательного четверостишия попали и на памятник Пушкину, открытый в 1880 г. в Москве, на Тверском бульваре. То были годы тяжелой реакции, и напоминать о Пушкине, как о певце свободы, было совершенно невозможно.

²⁾ См. снимок с рукописи в венгеровском издании, т. IV, стр. 47.

чайной красоты и силы, мощи и выразительности. Но все-таки эту, внешнюю, сторону поэзии, эту блестящую одежду ее, Пушкин не предпочел ее внутренней сущности, ее душе, т.-е. тем идеям, которые он проводил. Этим самым Пушкин завещал и нам¹⁾ прежде всего ценить в нем не слугателя «звуков сладких и молитв», не творца красивых песен и стихов, а поэта-гражданина, поэта-философа, певца свободы, певца гуманности, апостола культуры, каким он всегда был.

I.

Пушкин—певец свободы. Настроение передового русского общества в Александровскую эпоху. Стихотворения Пушкина: «К Чаадаеву», «Вольность», «Кинжал», «Андрей Шенье», «Сказки»; эпиграммы, «Первое послание к цензору». Кара, постигшая Пушкина. «Послание в Сибирь». Как объяснить умеренность Пушкина в последние годы его жизни.

Пушкин—певец свободы. За это он был особенно дорог современникам. За это он должен быть дорог и нам.

Юность Пушкина совпала с юностью русской общественной жизни, с юностью русской интеллигенции. Когда, после войны 1812 года, русская жизнь стала входить в свою колею, то недостатки нашего государственного строя и наша отсталость в культурном отношении особенно бросились в глаза тем представителям русского общества, которые, во время походов 1813—1815 гг., побывали за границей и присмотрелись к более культурной и более свободной жизни Западной Европы.

Три вопроса выдвигались тогда в программе передовой русской молодежи. Первый—это вопрос о свободе политической. Ясно было, что самодержавный строй отжил свое время, что необходима его реформа, если не революция; необходимо провозглашение конституции, привлечение народных представителей к законодательству, реформа всего управления страной. Второй вопрос—вопрос о свободе социальной. В России той эпохи существовала, как известно, вопиющая социальная несправедливость—крепостное право. Многомиллионный класс крестьянства был в рабской зависимости у незначительного по численности дворянского класса. Лучшие представители русского общества той поры, несмотря на свое дворянское происхождение, прекрасно понимали необходимость улучшения быта крестьян и отмены крепостного права. Наконец, третий вопрос—вопрос о просвещении. Русь была почти поголовно безграмотна. Хорошо образованных людей была незначительная горсточка. Освобождение России от невежества стояло на очереди.

Все эти мечтания не были беспочвенными. Наоборот, русское общество могло надеяться на их осуществление. Когда Александр I вступил, после убийства его отца, Павла, на престол, то он сам мечтал о серьезных, основательных реформах в либеральном духе.

В первые годы царствования Александра, в годы, которые Пушкин называл «дней Александровых прекрасное начало»—создавались и обсуждались проекты о введении в России конституционного образа правления, отменялись старые законы и издавались новые, лучшие. Немало было положено забот и для развития просвещения; открыт был целый ряд учебных заведений—высших (университеты, лицеи, в том числе—Царскосельский, где учился Пушкин), средних и низших, издан был сравнительно

¹⁾ См. заметку С. А. Венгерова: «Последний завет Пушкина»—там же, стр. 45—48.

мягкий цензурный устав и т. д.¹⁾ Но в дальнейшем вся эта просветительная деятельность правительства остановилась, и отношение власти к просвещению приняло даже прямо враждебный характер. Сначала заботам о реформах и просвещении как бы помешала война с Наполеоном, закончившаяся для России торжественным победным шествием по всей Европе. Под влиянием военных успехов все внимание царя и правительства обратилось на военное дело, на содержание и усовершенствование армии, которая поглощала и львиную долю средств государственного казначейства. У Александра пробудилась заложенная в детстве и, очевидно, перешедшая по наследству от отца страсть к военщине. Положение «спасителя Европы» от «ига тирана» сильно льстило гордому царю. Он упивался властью и тем почетом, который встречал везде, и совершенно забыл о мечтах своей юности, когда он предполагал добровольно отказаться от власти и предоставить обществу право избрать себе любую форму правления. Заключив реакционный, так называемый, «священный» союз с императорами прусским и австрийским,—союз, который остроумно окрестили союзом государей против своих подданных, Александр примкнул тем самым к общеевропейской реакции.

Получив лишь внешне блестящее воспитание, но крайне поверхностное и узкое образование, Александр, человек мало культурный и во многом невежественный, увлекся господствовавшим в то время в Европе мистицизмом, приблизил к себе всевозможных «благочестивых» шарлатанов, а правительством немедленно подняло гонение на науку, просвещение и литературу. Стоящий у власти класс дворян-рабовладельцев, конечно, менее всего желал расставаться с своими привилегиями. Поэтому ждать от правительства каких-либо прогрессивных реформ было невозможно.

Русская молодежь, впервые после заграничного похода сознавшая свой долг перед родиной и наивно мечтавшая сначала лишь «способствовать правительству в его благих начинаниях», довольно скоро поняла, что приходится не способствовать правительству, а противодействовать ему. Началась подпольная работа тайных обществ в Петербурге и провинции—работа, приведшая в конце концов к революционному выступлению—к вооруженному восстанию 14 декабря 1825 года.

Молодой Пушкин²⁾ не стоял в рядах первых русских революционеров—он в это время был уже в изгнании,—но ряд близких друзей и единомышленников поэта оказался замешанным в восстании, а самое главное, идеи и убеждения нашей передовой молодежи того времени нашли себе выражение в творчестве Пушкина. Он был певцом и агитатором «декабризма».

В известном послании к другу своему, Чаадаеву (1818), Пушкин прекрасно изобразил перелом, происшедший в эту эпоху в нашем передовом обществе, особенно среди нашей молодежи, выразил ее чаяния и мечты, ее свободолюбивый порыв:

«Мы ждем с томленьем упованья
Минуты вольности святой,
Как ждет любовник молодой
Минуты сладкого свиданья»,—говорит поэт.

Это была пора какой-то влюбленности в идеалы свободы. Молодежь впервые осознала свой общественный долг, впервые перестала личные интересы ставить выше всего. Пушкин отметил и это:

¹⁾ О реформах при Александре I см. книги ака. А. Н. Пыпина, «Общественное движение в России при Александре I», и Сухомлинова «Исследования и статьи по русской литературе и просвещению», 2) т. г.; также: Н. Н. Булич—«Очерки по истории русской литературы и просвещения с начала XIX века», 2-ое изд., СПб. 1912.

²⁾ Ему в то время шел 27-ой год (род. 26 мая 1799 г.).

«Люби, надежды, гордой славы ¹⁾
Не долго тешил нас обман:
Исчезли юные забавы
Как дым, как утренний туман.
Но в нас кипят еще желанья:
Под гнетом власти роковой
Нетерпеливою душой
Отчизны внемлем призыванья» ²⁾...

Пушкин верил, что эта «вольность святая» придет, что это обновление русской жизни совершится, и себя с друзьями он представлял не зрителями только, а активными борцами за свободу «отчизны».

«Товарищ, верь: взойдет она,
Заря пленительного счастья»,—

заканчивает поэт свое проникновенное стихотворение,—

«Россия вспрянет ото сна
И на обломках самовластья
Напишет наши имена» ³⁾.

Ценнее всего, что это стремление к «вольности святой» не было у Пушкина простым лишь романтическим порывом, столь естественным в юные годы, в пору всеобщего увлечения и подъема, а было строго продуманным, определенным мирозерцанием.

Восемнадцатилетний Пушкин не был только влюблен в слова «вольность», «свобода», «равенство», как многие в то время; он вкладывал в эти понятия определенное содержание, смотрел на них так трезво, как под-
стать в те времена было разве какому-нибудь англичанину, с молоком матери всосавшему понятия о правах, законности и основанной на них свободе. В своей юношеской, довольно умеренной, оде «Вольность» [1817] ⁴⁾. Пушкин говорит, что свободу он представляет себе неразрывно связанной с правами и законностью. Только там не проклинают царей, где исполняются законы:

«Лишь там над Царскою главой
Народов не легло страданье,
Где крепко с Вольностью Святой
Законов мощных сочетанье...
«Владыки!»—воскликает Пушкин,—«вам венец и трон
Дает Закон,—а не Природа—
Стоите выше вы Народа,—
Но вечный выше вас Закон»...

«Закон», по мнению Пушкина, выше не только «владык», но и «народов», которые, как и владыки, должны склониться перед законом:

«И горю, горе племенам,
Где дремлет он ⁵⁾ неосторожно,
Где иль Народу, иль Царям
Законом властвовать возможно!»

Пушкин одинаково протестовал против самодержавия царей и против самодержавия народа. В наши дни, конечно, такие взгляды на «самодержавие народа» не могут не показаться чересчур узкими, но надо всегда стремиться избегать навязывать современное мировоззрение былому; былое нужно оценивать с точки зрения существовавших тогда взглядов и отношений. Сто лет назад, когда в России господствовало всеобщее бесправье,

¹⁾ Т. е. «личные интересы».

²⁾ Т. е. на место личных интересов выступает общественный долг.

³⁾ «К Чаадаеву», Соч., т. I, стр. 477.

⁴⁾ Соч., т. I, стр. 511—517, при чем ошибочно отнесена к 1819 г.

⁵⁾ Т. е. закон.

когда взор поэта встречал лишь «везде бичи, везде железы, законов гибельной¹⁾ позор», и когда, с другой стороны, трудно было представить всякое народное выступление иначе, как в форме дикой пугачевщины, такие взгляды были вполне понятны. Необходимо, впрочем, оговориться, что в боязни «народного самодержавия» у Пушкина неминуемо должно было сказываться и его социальное положение, как человека, принадлежащего к господствующему классу, как дворянина-помещика.

В заключение своей оды «Вольность» Пушкин, после описания казни Людовика XVI и убийства «увенченного злодея» — Павла I, обращается к «царям» с таким правоучительным словом:

«И днесь учитесь, Цари!
Ни наказанья, ни награды,
Ни кров темниц, ни алтари
Не верные для вас ограды;
Склонитесь первые главой
Под сень надежную закона,
И станут вечной стражей трона
Народов вольность и покой».

Это было по тем временам довольно смело.

«Тираны», «самовластительные злодеи» вызывают у Пушкина резкое осуждение:

«Самовластительной Злодей!
Тебя, твой трон я ненавижу...
Читают на твоём челе
Печать проклятия Народы,
Ты ужас мира, стыд природы,
«Упрек ты Богу на земле».

Юноша-Пушкин не прочь приветствовать даже террористические акты, направленные против тиранов. Герой Пушкина — «Брут вольнолюбивый»²⁾. Пушкин воспевае кинжал:

«Свободы тайный страж, карающий Кинжал,
Последний Судия позора и обиды;
Где Зевса гром молчит, где дремлет меч закона,
Свершитель ты проклятий и надежд...»³⁾.

Необходимо, однако, заметить, что мысли, подобные этим, были высказаны Пушкиным лишь под влиянием мимолетного настроения. Вообще же он обычно относится отрицательно ко всяким убийствам и казням. В той же оде «Вольность», называя «порфиру» Людовика «злодейской», он именует «секиру» «преступной»; Павел — «увенчанный злодей», но и удары, от которых он погиб — «бесславные», а убийцы Павла — «звери» и «янычары»⁴⁾.

¹⁾ Характерная черта правописания пушкинской эпохи — «гибельной» вм. «гибельный». Произносили, конечно: «гибельнай», как мы произносим «вада», хотя пишем «вода».

²⁾ Знаменитый римлянин, убивший своего друга Юлия Цезаря, когда тот стал тираном.

³⁾ «Кинжал» (1821) Соч., т. II, стр. 70.

⁴⁾ Убийство Павла описано в оде так:

«... в лентах и звездах
Вином и Злобой упоенны
Идут убийцы потаенны,
На лицах дерзость, в сердце страх.
Молчит неверной часовой,
Опущен молча мост подъемной,
Врата отверзты в тьме ночной
Рукой предательства наемной...
О стыд! о ужас наших дней!
Как звери, вторглись Янычары!..
Падут бесславные удары —
Погиб увенчанный злодей!»

(«Вольность», Соч., т. I, стр. 517).

С точки зрения той эпохи все это крайне любопытно. Великая Французская Революция тогда была еще событием недавнего прошлого. Великие идеалы, провозглашенные ею, были омрачены жестоким террором, казнями, кровью. Надежды, которые многие наивно возлагали на революцию, не осуществились; на смену пришла реакция. Понятия спутались. Многие, отшатнувшись от ужасов революции, готовы были обвинить в них ее великие лозунги и затоптать их в грязь. Многие не понимали, что, к сожалению, люди не сумели воспользоваться благами свободы, и готовы были заклеить самое стремление к свободе. Тем примечательнее трезвость Пушкина, который смотрел на события не глазами увлеченного современника, а как бы трезвым взглядом историка.

В стихотворении, посвященном памяти казненного в дни революции французского поэта Андре Шенье ¹⁾, осуждая эпоху террора Великой Французской Революции, Пушкин устами А. Шенье, восклицает:

«О горе! о безумный сон!
Где вольность и закон? Над нами
Единый властвует топор.
Мы свергнули царей? Убийцу с палачами ²⁾
Избрали мы в цари! О ужас, о позор!..
«Но ты, священная свобода,
Богиня чистая! нет, не виновна ты:
В порывах буйной слепоты,
В презренном бешенстве народа—
Сокрылась ты от нас. Целебный твой сосуд
Завешен пеленой кровавой...
Но ты придешь опять со мщением и славой—
И вновь твои враги падут...»

Таковы были взгляды Пушкина на свободу. Стихотворения его имели огромное агитационное значение, что было особенно важно, при почти полной невозможности вести агитацию другими способами.

Кроме обличительных тирад, есть еще сильное орудие—это орудие насмешки. Им также умело пользовался Пушкин.

Вступивший определенно на путь реакции Александр I иногда не прочь был еще поговорить в либеральном духе. Так, на открытии в Варшаве польского сейма 15/27 марта 1818 года, Александр произнес знаменитую тронную речь, в которой упомянул о желании ввести конституционный образ правления и в России. Эти обещания, которым никто не верил, остроумно высмеиваются Пушкиным в «Рождественской сказке» ³⁾.

«Ура! в Россию скачет
Кочующий деспот,
Спаситель горько плачет,
А с ним и весь народ.
Мария в хлопотах Спасителя страшает:
«Не плачь, дитя, не плачь, сударь:
Вот бука, бука—русский царь!»

Является царь и обещает всяких благ для России, обещает ввести законность и даровать права:

«Закон поставлю я на место вам Горголи ⁴⁾
И людям все права людей,
По парской милости моей,
Отдам из доброй воли».

¹⁾ «Андрей Шенье» (1825), Соч., т. II, стр. 284—286.

²⁾ Т.-е. Робеспьера и конвент.

³⁾ «Сказки» (Noël) (1818), Соч., т. I, стр. 461.

⁴⁾ И. С. Горголи—с.-петербургский полицеймейстер.

От радости в постеле
Запрыгало дитя:
«Неужто в самом деле?
Неужто не шутя?»
А мать ему: «бай, бай! закрой свои ты глазки;
Пора уснуть бы, наконец,
Послушавши, как царь-отец
Рассказывает сказки!»¹⁾.

Доставалось и приближенным царя. Всесильный Аракчеев, этот злой гений России, был заклеимен следующей эпиграммой²⁾ (1820).

«Всей России притеснитель,
Губернаторов мучитель,
И Совета он учитель,
А царю—он друг и брат.
Полон злобы, полон мести,
Без ума, без чувств, без чести
Кто ж он, «преданный без лести»? ³⁾
Просто фрунтовый солдат».

В другой эпиграмме Пушкин, называя его «холопом венчанного солдата», объявляет его достойным «смерти немца Коцебу»⁴⁾.

Мистические увлечения Александра, приблизившего ко двору различных ханжей, фанатиков, шарлатанов и проходимцев⁵⁾, в том числе знаменитого архимандрита Фотия, Пушкин высмеял в эпиграмме: «На Фотия»:

«Полу-фанатик, полу-плут;
Его орудием духовным—
Проклятье, меч и крест и кнут.
Пошли нам, Господи, греховным,
Поменьше пастырей таких,
Полу-благих, полу-святых»⁶⁾.

С орудием насмешки выступил Пушкин и против нелепостей тогдашней цензуры, которая была не только чрезмерно строга, но прямо-таки глупа в своей мелочной придирчивости. В самых невинных выражениях видели преступление против правительства и, в особенности, против веры и нравственности. Напр., в поэме Пушкина «Кавказский пленник» стихи (о черкешенке):

«Немного радостных ночей
Судьба на долю ей послала»

были признаны безнравственными и изменены так:

Немного радостных ей дней
Судьба на долю ниспослала⁷⁾.

¹⁾ Соч. Пушкина, т. I, стр. 461.

²⁾ Соч. Пушкина, т. II, стр. 7.

³⁾ На его печати были вырезаны слова: «Без лести предан».

⁴⁾ Известный немецкий писатель и реакционер, убитый в Германии студентом Зандом. Подвиг Занда Пушкин и воспевал в стихотворении «Кинжал».

⁵⁾ В этом отношении двор Александра I в последние годы его царствования сильно напоминает двор Николая II во время знаменитой распутиновщины. О мистических увлечениях при дворе Александра I см. книгу ак. А. Н. Пыпина. «Религиозные движения при Александре I», СПб., 1916.

⁶⁾ Соч., т. I, стр. 551.

⁷⁾ Пушкин был очень возмущен этой заменой: «Зарезала меня Цензура!»—писал он кн. П. А. Вяземскому,—«Я не властен сказать, я не должен сказать, я не смею сказать ей дней в конце стиха. Ночей, ночей, ради Христа, ночей Судьба на долю ей послала. То ли дело: ночей, ибо днем она с ним не видалась—смотри поэму. И чем же ночь неблагопристойнее дня? которые из 24 часов именно противны духу нашей Цензуры? (Переписка Пушкина, под ред. Саитова, т. I, стр. 77.)

Считались недопустимыми, как будто бы оскорбляющие религиозное чувство, напр., такие выражения, как «небесная улыбка», «ангельский взгляд», «Бог одарил его» и т. д. Особенно прославились цензоры—Бируков и Красовский. Нечего и говорить, что какая-либо более серьезная вольность неукоснительно пресекалась цензурой. Возмущенный Пушкин (в то время уже сосланный на юг) пишет сатирическое «Первое послание к цензору» (1822) ¹⁾, где говорит, что он готов был бы терпеть цензуру умную, «цензора-гражданина», но не может переносить глупости.

«А ты, глупец и трус! что делаешь ты с нами?»

обращается Пушкин к цензору, подразумевая именно Бирукова,

«Где должно б умствовать, ты хлопаешь глазами,
Не понимая нас, мараешь и дерешь;
Ты черным белое по прихоти зовешь,
Сатиру—пасквилем, поэзию—развратом,
Глас правды—мятежом, Куницына—Маратом ²⁾.
Решил—а там поди, хоть на тебя проси!
Скажи, не стыдно ли, что на святой Руси,
Благодаря тебе, не видим книг доселе?
А если говорить задумаешь о деле,
То славу русскую и здравый ум любя,
Сам государь велит печатать без тебя».

Писателям приходится распространять свои произведения в рукописях:

«Барков ³⁾ шутивых од к тебе не посылал,
Радищев, рабства враг, цензуры избежал,
И Пушкина стихи в печати не бывали ⁴⁾.
Что нужды? их и так иные прочитали».

Если бы теперь жили писатели времен Екатерины—Фонвизин, который «невежество казнил в комедии народной», «Державин, бич вельмож», баснописец Хемницер, который «истину с улыбкой говорил». Богданович, автор поэмы «Душенька», где имеются некоторые двусмысленные вольности, то «не так легко б разделались они» с цензурой.

Но цензор—«глупец и трус». Он и сам не знает иногда, что делать, так как «на все есть мода, вкус», а цензор должен угождать сильным мира сего:

«Конечно, вам смешно»,—говорит он у Пушкина—
«а я нередко плачу,
Читаю, да крещусь, мараю наудачу...
Я бедный человек; к тому ж жена и дети»...

А Пушкин ему шутиливо отвечает:

«Жена и дети, друг, поверь—большое зло:
От них все скверное у нас произошло!
Но делать нечего! Так если не возможно
Домой тебе убраться осторожно
И службою своей ты нужен для царя,
Хоть умного возьми секретаря».

За свои эпиграммы и другие «вольнoлюбивые» или, как тогда говорили,—«возмутительные» стихотворения, особенно за оду «Вольность»,

¹⁾ Соч., т. II, стр. 150—152.

²⁾ Куницын—лицейский учитель Пушкина, умеренный конституционалист по взглядам. Марат—известный деятель Великой Французской Революции.

³⁾ Барков—талантливый стихотворец XVIII века, к сожалению, писавший, главным образом, скабрезные, «непечатные» стихи, которыми приобрел себе своеобразную славу.

⁴⁾ Т.-е. те стихи, которых тогда нельзя было печатать, как, напр., «Вольность», «Деревня», «Кинжал», эпиграммы и пр.

яркое описание убийства Павла в которой сильно возмутило императора Александра Павловича, Пушкин был подвергнут каре, и только благодаря заступничеству влиятельных лиц—ген. Милорадовича, Карамзина, Жуковского, А. И. Тургенева, она оказалась сравнительно мягкой: поэт был выслан на юг России (в 1820 г.), где и провел четыре с лишним года. В 1824 г. он, вследствие одной фразы перехваченного письма, которая давала возможность обвинять его в религиозном вольномыслии, попадает в ссылку «в далекий северный уезд»—в имение своих родителей, Михайловское, Псковской губернии, и там проводит «отшельником два года незаметных» (1824—1826).

С этих пор до конца жизни Пушкин остается «поднадзорным». Правительство усиленно следит за ним, собирает всякие доносы, стесняет свободу передвижения, запрещает печатать его произведения, не дает ему ни минуты покоя. То посылает специального чиновника расследовать, не возмущает ли Пушкин крестьян, при чем чиновнику дается полномочие арестовать поэта при малейшем подозрении. То подвергает его допросу по поводу стихотворения «Андрей Шенье», которое распространилось в рукописи и которое правительство считает написанным не на события Великой Французской Революции, а на... 14 декабря, в чем не было никакого смысла ¹⁾. То привлекает его по делу о написанной им в бытность на юге легкомысленной поэме «Гаврилиада», от которой Пушкин принужден был отказаться. После вступления на престол Николая I, Пушкин был, правда, освобожден из ссылки, вытребован в Москву и потом даже «приближен» ко двору ²⁾, что поставило поэта в крайне ложное положение и давало повод обвинять его в измене былым идеалам свободы.

Но измены никакой не было. Пушкин, действительно, несколько наивно отнесся к Николаю I, который, после двуличного Александра, показался ему прямым и правдивым, и даже на что-то надеялся. А кроме того было ясно, что малейшая попытка гласного протеста повела бы за собой строгую кару, вплоть до ссылки в Сибирь. Нелепо было бы легкомысленно и без пользы для дела губить себя. После разгрома декабристов можно было мечтать только о медленной культурной работе.

Впрочем, надо оговориться, что иногда Пушкин все же настраивал лиру на старый, свободолюбивый лад. Например, когда в 1827 году жена одного из сосланных в Сибирь декабристов поехала к мужу, Пушкин передал ей свое проникновенное «Послание к декабристам»—

«Во глубине Сибирских руд
Храните гордое терпенье;
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремление.
Несчастью верная сестра,
Надежда, в мрачном подземелье
Возбудит бодрость и веселье,
Придет желанная пора:
Любовь и дружество до вас
Дойдут сквозь мрачные затворы,
Как в ваши каторжные норы
Доходит мой свободный глас.
Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут, и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут» ³⁾.

¹⁾ См. статью П. Щеголева «Пушкин в политическом процессе 1826—1828 гг.» в его книге «Пушкин. Очерки».

²⁾ См. статью в той же книге: «Император Николай I и Пушкин в 1826 г.». О положении Пушкина при Николае I см. также в интересной книге М. Лемке «Николаевские жандармы и литература», СПб. 1909,—главу: «Муки великого поэта».

³⁾ Соч., т. II, стр. 451.

Написать и отдать это стихотворение в руки едущей в ссылку было в то время актом большого гражданского мужества ¹⁾.

Идеалам свободы Пушкин продолжает и теперь служить, но другим путем — путем художественного творчества. Придя к убеждению, что провозглашением одних лозунгов, при тогдашнем низком культурном уровне России, ничего достигнуть нельзя, что прежде всего Россию надо сделать более культурной, Пушкин становится апостолом культуры, глашатаем просвещения. Несколько наивно сначала Пушкин даже рассчитывал на развитие просвещения законным путем, возлагая надежды на Николая I-го, которому советует подражать Петру Великому... Но скоро Пушкину приходится убедиться, что на каждом шагу развитию культуры ставятся препятствия, что цензура свирепствует; журналы закрываются. Пушкин устает от всего этого, устает и от личных, семейных неурядиц, мучится невозможностью отдаться всеми силами, свободно, любимому делу — своему творчеству и культурной работе. Отсутствие этой внутренней свободы, свободы делать то, что он, Пушкин, считает нужным и хорошим, угнетает его все более и более.

Так должна быть объясняема видимая политическая умеренность поэта в последние годы его жизни. Измены же идеалам свободы не было. Не даром в «Памятнике», перечисляя свои заслуги перед человечеством, Пушкин гордо сказал:

«в мой жестокий век восславил я Свободу».

II.

Пушкин — противник крепостного права. Личные впечатления. Стихотворение — «Деревня». Изображение крепостного быта в «Евгении Онегине», в «Дубровском», в «Капитанской дочке», в «Истории села Горюхина».

Рядом с проблемой политического освобождения стоял вопрос и о социальном освобождении — для многомиллионной массы крепостного крестьянства. Этот вопрос, тесно связанный с вопросом о политической свободе, был даже ближе русской интеллигенции, которая сама вышла из недр крепостничества. Не мог пройти мимо этого вопроса и Пушкин. Он стал также поэтом и крестьянской свободы. Происходя

¹⁾ Стихотворение привело в восторг декабристов. Молодой поэт — декабрист кн. А. И. Одоевский отвечал Пушкину таким стихотворением:

«Струн вещих пламенные звуки
До слуха нашего дошли!
К мечам рванулись наши руки,
Но лишь оковы обрели.
Но будь спокоен, бард, цепями
Своей судьбы гордимся мы
И за затворами тюрьмы
В дупе смеемся над царями.
Наш скорбный труд не пропадет;
Из искры возгорится пламя,
И православный наш народ
Сберется под святое знамя.
Мечи скоем мы из цепей,
И вновь зажжем огонь свободы,
И с нею грянем на царей
И радостно вздохнут народы»...

сам из класса дворян-рабовладельцев, он еще ребенком мог наблюдать жизнь крестьян. Пушкины обычно проводили лето в подмосковном имении Захарово, где поэт впервые познакомился с русской деревней. С крепостными Пушкин сталкивался в родной семье, в лице дворовых слуг и, прежде всего, в лице своей няни Арины Родионовны, о которой у него остались такие теплые воспоминания, и которая ввела его в мир русской народной поэзии, в мир русской сказки. Но Пушкин-ребенок еще не способен был проникнуться мыслью об ужасе крепостничества. Условия социального быта, в которых он жил, очевидно, казались ему вполне нормальными и не вызывали протеста.

В годы ученья, когда «в садах лицея» он «безмятежно расцветал», поэт был совершенно оторван от русской народной стихии. Она лишь изредка проглядывает в его лицейском творчестве то в виде робких попыток писать стихи с некоторым оттенком народности («Романс», «Козак», «Бова»), то в виде воспоминаний о детстве, о няне, о Захарове (отрывок «Сон»).

С бытом крепостных Пушкин столкнулся лишь по окончании лицея, когда он на лето приехал в деревню к родителям. Пушкин теперь уже был гениальным юношей, который многое знал и понимал, обо многом передумал. Вид крепостной деревни сильно потряс его. Памятником этого настроения осталось стихотворение «Деревня» (1819)¹⁾, вторая, обличительная, половина которого долгое время, даже после освобождения крестьян, не могла быть целиком напечатана в России.

Деревня в первый момент пленила Пушкина идиллической прелестью своей природы, наивной примитивностью и внешней красотой своей жизни. Пушкин с восторгом смотрит на «темный сад с его прохладой и цветами», на «луг, уставленный душистыми скирдами», на «светлые ручьи»; его взор падает на «лазурные равнины» «двух озер», «за ними» видит он «ряд холмов и нивы полосаты»,

«Вдали рассыпанные хаты,
На влажных берегах бродящие стада,
Овины дымные и мельницы крылаты;
Везде следы довольства и труда».

Под влиянием этой привлекательной картины у поэта-помещика проходит «лени сон угрюмый», возникают «творческие думы». Но чуткий взор поэта-гражданина, каким был уже и тогда Пушкин, не мог не рассмотреть и оборотной стороны картины, не мог не понять, что безмятежно наслаждаться всем этим—удел лишь рабовладельца-дворянина, и что его рабам не до наслаждения, что красивые «вдали рассыпанные хаты» не вызывают никаких эстетических эмоций у их обитателей, и что на «луг, уставленный душистыми скирдами», крестьяне идут не любоваться красотами природы. Пушкиным овладело «горестное сознание», что «ниву селянин возделывал чужую». Вторая половина «Деревни» представляет собою резкий контраст первой, идиллической.

«Но мысль ужасная здесь душу омрачает»,—говорит поэт:—
«Среди цветущих нив и гор
Друг человечества печально замечает
Везде невежества губительный позор...
... Здесь барство дикое, без чувства, без закона,
Присвоило себе насильственной лозой
И труд, и собственность, и время земледельца...
... Здесь тягостный ярем до гроба все влекут;
Надежд и склонностей в душе питать не смея,
Здесь девы юные цветут
Для прихоти развратного злодея...»

¹⁾ Соч., т. I, стр. 525—527.

Невежество, народная темнота, отсутствие просвещения, и как перво-причина всего—крепостное рабство—вот что ужаснуло поэта. Когда Пушкин увидел все это, ему захотелось закричать об этом ужасе, захотелось, чтобы все это поняли и ужаснулись вместе с ним:

«О, если б голос мой»,—воскликает он,—«умел сердца тревожить!
Почто в груди моей горит бесплодный жар
И не дан мне в удел витийства грозный дар?»

Стихотворение заканчивается некогда столь знаменитыми словами:

«Увижу ль я, друзья, народ неугнетенной
И рабство, падшее по манию царя,
И над отечеством свободы просвещенной
Взойдет ли наконец прекрасная заря?»

Падение крепостного права Пушкин представлял себе только «поманию царя», так как не верил, что русский крестьянин, возросший в рабстве, слишком малокультурный и малосознательный, способен сам сбросить рабские цепи. Крестьянское восстание, по мнению поэта, неминуемо должно было вылиться в форму стихийной пугачевщины, результатом которой, вместо желанной свободы, явилось бы лишь подавление «бунта» и новые репрессии для крестьян.

Когда Пушкин вернулся из деревни в Петербург, а потом был послан на юг, то он оказался вновь оторванным от деревни и крестьянства, и, по свойственному молодости легкомыслию, очевидно, забыл о своих деревенских впечатлениях; по крайней мере, ничем заметным они в его творчестве не отзываются. Но когда в 1824 г. Пушкин снова попал в свое Михайловское, он снова столкнулся с деревенской жизнью, с русским народом, столкнулся со своими крестьянами, как их хозяин. Пушкин был в эти годы уже не молодым юношей, ему исполнилось 25 лет; он более трезво и глубоко стал смотреть на жизнь и на себя. Впечатления деревни оказали на него сильное влияние. Он впервые познакомился теперь основательно, а не мимолетно, с бытом русского крестьянина, научился его ценить и любить, научился высоко ставить его здравый ум и поэтическую одаренность; слушая вновь сказки няни, он постиг красоты родной поэзии и проникся духом русского языка. Народный элемент в творчестве Пушкина теперь начинает играть значительную роль. Он пишет ряд произведений в народном духе, записывает народные песни и сказки, перекладывает их в художественные стихи. Народ действует в его трагедии «Борис Годунов». Почти ни одно крупное произведение Пушкина не обходится теперь без участия в нем «простого народа», крестьянства, тогда как раньше Пушкин писал о черкесах и цыганах, жизнь которых ему не могла быть хорошо известна.

Правда, обличать крепостное право—так, как это было сделано в «Деревне»,—Пушкин более не обличал. Может быть, это объясняется тем, что мешали тяжелые цензурные условия, а вероятнее всего тем, что прибавить что-нибудь к обличительным тирадам «Деревни» было трудно—там все было сказано; пришлось бы повторяться. И Пушкин избирает теперь другой путь—путь художественного творчества. Надо было ввести наше крестьянство в литературу. Надо было показать обществу, что крестьяне—такие же люди, что их можно выводить на сцену не в качестве слуг, помогающих плутням барина, или статистов (как то делалось часто в старых комедиях), а серьезно; надо было изобразить жизнь господствующего класса—помещиков—на фоне крепостничества. Все это и сделал Пушкин.

В «Евгении Онегине» он, хотя еще мимоходом, как бы робко, но уже подходит к обрисовке этой вопиющей неправды русской жизни, к этому вопросу—о барине и мужике,—к вопросу, который потом, долгие годы, вплоть до Л. Н. Толстого, не переставал занимать русских писателей.

Перед нами разворачивается широкая картина жизни помещиков в столице и деревне, и рядом дается несколько, как будто незаметных, но все же ярких штрихов, рисующих оборотную сторону медали.

Когда Онегин приехал в деревню, то он, как и сам Пушкин, был сначала пленен прелестью сельской обстановки:

«... ему казались новы
Уединенные поля,
Прохлада сумрачной дубровы,
Журчанье тихого ручья»... ¹⁾.

Но потом Онегин, как и Пушкин, не мог не заметить тяжелого положения крестьян, и даже пожелал его улучшить:

«... задумал наш Евгений
Порядок новый учредить...
... Ярем он барщины старинной
Оброком легким заменил;
И раб судьбу благословил»... ²⁾

Эти несколько строк рисуют нам огромную картину чудовищной эксплуатации крестьянского труда, которая процветала в русских деревнях в форме ярма «барщины старинной». В других местах «Евгения Онегина» рассеяно также несколько намеков на прелести крепостного быта. Старушка Ларина, мать Татьяны, на ряду с невинными занятиями, как соление грибов и мытье в бане по субботам, «вела расходы, брила лбы», т.е. отдавала в солдаты чем-либо неугодивших ей рабов, а также «служанок била осердясь» ³⁾.

Ларины были помещики добрые, никакими особыми зверствами не отличались, но и у них, по временам, жизнь крепостных превращалась в трагедию.

Таня, написавшая Онегину любовное письмо, с волнением ожидает ответа своего возлюбленного. Она выбежала в сад, упала, «задыхаясь на скамью»; она ждет Евгения, терзаясь вопросом: «О, Боже! что подумал он!», «она дрожит и жаром пышет», «и ждет: нейдет ли?», а тут же рядом,

«В саду, служанки, на грядах,
Сбирали ягоды в кустах
И хором по наказу пели.
(Наказ, основанный на том,—поясняет Пушкин,—
Чтоб барской ягоды тайком
Уста лукавые не ели,
И пеньем были заняты:
Затея сельской остроты!» ⁴⁾

Известны случаи, что крестьянских девушек заставляли петь до одурения. Такое легкое и приятное занятие, как собирание ягод, превращалось в мучительный труд в условиях крепостного быта.

Таня—милая, добрая девушка, чувство ее чистое, красивое; красив и «огромный запущенный сад, приют задумчивых Дриад» ⁵⁾, и много было

¹⁾ «Е. О.», гл. I, строфа LIV. (Соч., т. III, стр. 246.)

²⁾ «Е. О.», гл. II, строфа IV. (Соч., т. III, стр. 248.)

³⁾ «Е. О.», гл. II, строфа XXXII. (Соч., т. III, стр. 256.)

⁴⁾ «Е. О.», гл. III, строфа XXXIX. (Соч., т. III, стр. 266.)

⁵⁾ Так назвал Пушкин сад Онегина—«Е. О.», гл. II, строфа I. (Соч., т. III, стр. 248.)

красоты в барском быте пушкинской эпохи, но не было в этой красоте справедливости, потому что все это было основано на крепостном труде и поте, на возмутительном праве одного человека, в силу его принадлежности к привилегированному классу, эксплуатировать труд сотен и тысяч себе подобных существ, имевших несчастье родиться крестьянами.

В «Онегине» же Пушкин рисует нам и милый образ крепостной старушки—няни Татьяны, рабы, преданной своим господам не за страх, а за совесть. Мы знакомимся из рассказов няни о своей молодости с тяжелой судьбой деревенской девушки. В словах няни, способных вызвать теперь улыбку,—

«... Мой Ваня
Моложе был меня, мой свет,
А было мне тринадцать лет.
Недели две ходила сваха
К моей родне, и наконец
Благословил меня отец!
Я горько плакала со страха;
Мне с плачем косу расплели,
Да с пением в церковь повели.
И вот ввели в семью чужую...» ¹⁾

—слышатся глубоко трагические ноты, раскрывается ужасное положение русской крестьянской женщины. Тринадцатилетнюю девочку выдавали замуж за 11—12-летнего мальчишку, конечно, потому, что в семье нужна была лишняя работница, и не даром с плачем шла девочка «в семью чужую»: там ее заставят без разгибу работать, как взрослую.

Вот тот фон, на котором протекала жизнь русского дворянства, жизнь Онегиных, Ленских, Лариных, и жизнь... самого Пушкина.

Если в «Онегине» этот фон лишь слегка набросан, и мрачные нотки только иногда, в виде едва заметных штрихов, требующих специального пояснения, вторгаются в общую картину, то в более поздних своих произведениях из помещичьей жизни Пушкин рисует нам этот фон гораздо более полно и ярко, и даже в основу своего романа «Дубровский» (1832—1833) кладет вопрос об отношениях двух сословий—дворян и крестьян—друг к другу.

В этом романе перед читателем выступает прежде всего с изумительной яркостью скульптурная фигура старинного русского барина—Кирилы Петровича Троекурова. Заслуженный «генерал-аншеф» екатерининских времен, он жил в отставке, в своем имении Покровском, типичным русским самодуром, настоящим самодержавным царьком. Выше всего для него была его воля, его прихоть, преград которым он не знал и знать не желал.

«Его богатство, знатный род и связи давали ему большой вес в губернии, где находилось его имение», читаем мы. «Избалованный всем, что только окружало его, он привык давать полную волю всем порывам своего пылкого права и всем затеям довольно ограниченного ума. Соседы рады были угодить малейшим его прихотям; губернские чиновники трепетали при его имени. Кир. Петр. принимал знаки подлострастия, как надлежащую дань; дом его всегда был полон гостями, готовыми терпеть его барскую правду, разделяя шумные, а иногда и буйные его увеселения. Никто не дерзал отказываться от его приглашения, или в известные дни не являться с должным почтением в село Покровское» ²⁾.

Грубый, некультурный, Троекуров знал одни лишь грубые удовольствия. Среди них первое место занимали—обжорство, охота и разврат. Он устроил себе настоящий гарем из крепостных девушек.

¹⁾ «Е. О.», гл. III, строфы XVIII—XIX. (Соч., т. III, стр. 260.)

²⁾ Соч., т. IV, стр. 287.

«Редкая девушка из его дворовых избегала сластолюбивых покушений пятидесятилетнего сатира. Сверх того, в одном из флигелей его дома жили 16 горничных, занимающихся рукоделиями, свойственными их полу. Окны во флигель были загорожены деревянной решеткою; двери запирались замками, от коих ключи хранились у Кирилы Петровича. Молодые затворницы в положенные часы скодили в сад и прогуливались под надзором двух старух. От времени до времени Кирилы Петрович выдавал некоторых из них замуж, и новые поступали на их место»¹⁾.

Иногда Троекуров развлекал себя какими-нибудь проказами,

«жертвою коих бывал обыкновенно какой-нибудь новый знакомец, хотя и старинные приятели не всегда их избегали»²⁾.

«Лучшею шуткою почиталась у Кирилы Петровича следующая: Проголодавшегося медведя заперут, бывало, в пустой комнате, привязав его веревкою за кольцо, ввинченное в стену. Веревка была длиною почти во всю комнату, так что только один противоположный угол мог быть безопасным от нападения страшного зверя. Приводили обыкновенно новичка к дверям этой комнаты, нечаянно вталкивали его к медведю, двери запирались, и несчастную жертву оставляли наедине с косматым пустынноиком. Бедный гость с оборванною полою, с опараванною рукою скоро отыскивал безопасный угол, но при этом нужден был иногда целые три часа стоять, прижавшись к стене, и видеть, как разъяренный зверь в двух шагах от него прыгал, становился на дыбы, ревел, рвался сидел до него дотянуться. Таковы были благородные увеселения русского барина!»³⁾.

Свой каприз, свою волю Троекуров ставил вообще выше всего. Если он и знал, что существуют какие-то законы, которые карают преступления, то он полагал, что эти законы могут быть обязательны и страшны для кого угодно, только не для него. Но любопытно не то, что Троекуров так думал, а то, что он имел основание так думать. Богатство, знатность, положение Троекурова и соединенная с этим наглость, действительность, ставили его «вне закона». Все в России тогда было продажно, все было проникнуто насквозь рабским духом; выше всего было грубое право силы, и Троекуров действительно имел, хотя и не засвидетельствованное никаким законом, но фактическое право делать все, что хотел. Когда он пожелал отомстить своему бывшему другу, старику Дубровскому, он решил отобрать у него имение. И, несмотря на то, что это было вопиющее беззаконие, суд удовлетворил желание Троекурова.

Обо всем этом⁴⁾ Пушкин рассказывает спокойно, как будто бы особенно даже и не возмущаясь и ничего не обличая. Но протестующее значение «Дубровского» тем и велико, что Пушкин, как будто бы ничего и ничего не обличая, как будто рисуя только художественные картины жизни, сумел показать с необычайной правдой и жизненностью всю бездну безобразий и беззаконий, которые совершались открыто в тогдашней Руси, о которых все знали, и которые все считали в порядке вещей.

Каково же жилось крестьянам у такого феодала-самодура, как Троекуров, и как они к нему относились? С удивлением мы узнаем, что крестьяне Троекурова относились к нему вовсе не плохо.

«С крестьянами», — читаем мы, — «и дворовыми обходился он строго и своенравно, не смотря на то, они были ему преданы: они тщеславились богатством и славой своего Господина и в свою очередь позволяли себе многое в отношении к их соседям, надеясь на его сильное покровительство»⁵⁾.

¹⁾ Соч., т. IV, стр. 287.

²⁾ Соч. Пушкина, под ред. П. А. Ефремова, 1903, т. IV, стр. 472.

³⁾ Все эти ужасы и беззакония не выдуманы Пушкиным; в основе сюжета «Дубровского» лежит действительный факт — история с помещиком Островским, у которого богатый сосед оттягал имение и который потом сделался разбойником. Пушкин имел в руках судебное дело об отобрании земли у Островского.

⁴⁾ Соч., т. IV, стр. 287.

Крепостное право прежде всего развращало. Развращало и владельцев и рабов, воспитывая особую, «рабью», психологию. Самое ужасное в крепостном праве было, может быть, то, что в нем часто не было ничего ужасного сами крепостные. Так развращены были и крестьяне Троекурова. Иногда им, очевидно, приходилось терпеть от барского неважно, скорее всего, редко и случайно, разве кто-нибудь в чем попадется прямо на глаза барину. И вот мы замечаем у них своеобразное чувство гордости, рабской гордости, что их барин—выше всех и знатнее, то его все боятся, что он никому спуска не дает. Они поэтому позволяли себе многое в отношении к их соседям, своим же братьям-крестьянам, твердо зная, что за это ничего не будет, так как Троекуров, в-за своего барского гонора, не даст своих крестьян в обиду. Зато крестьяне других помещиков относились к Троекурову с нескрываемым ужасом. «Отец ты наш»,—взмолились крестьяне Дубровского, когда узнали, что их барин теперь будет Троекуров,—«не хотим другого барина, кроме тебя. Прикажи, Осударь, с судом ¹⁾ мы управимся. Умрем, не выдадим» ²⁾. Любовь крестьян Дубровского к своему барину рисуется Пушкиным в довольно трогательном виде.

Но любопытнее всего, что крепостное право извращало вообще все человеческие понятия, и представление о том, что добро и что зло, принимало совсем особые, оригинальные очертания. Потрясающую сцену рисует Пушкин, изображая, как хладнокровно крестьяне Дубровского сжигали пьяных чиновников, приехавших вводить Троекурова во владение Листеневкой.

«В одну минуту пламя обхватило весь дом. Полы затрещали, посыпались, пылающие дрова стали падать; красный дым взвился над кровлею; раздался жалобный вопль и крики: помогите, помогите!—Как не так, сказал Архип, с злобной улыбкой взирающий на пожар. — Архипушка, говорила Егоровна: спаси ты их, окаянных, Бог тебя наградит!—Как не так, отвечал кузнец. В сию минуту приказные показались в окна, стремясь выломать деревянные рамы. Но тут кровля с треском обрушилась—и вопли утихли» ³⁾.

И тут же, рядом, с изумительным мастерством великого знатока человеческой души Пушкин рисует другую картину:

«Вскоре вся дворня высыпала на двор. Бабы с криком спешили спасти свою рухлядь, ребятинки прыгали, любясь на пожар. Искры полетели огненной метелью, избы загорелись.—Теперь всё ладно,—сказал Архип,—каково горит, а? Чай, из Покровского славно смотреть. В сию минуту новое явление привлекло его внимание: кошка бегала по кровле пылающего сарая, недоумевая, куда прыгнуть. Со всех сторон окружало ее пламя. Бедное животное жалким мяуканьем призывало на помощь; мальчишки помирали со смеху, смотря на ее отчаяние.—Чему смеетесь, бесенята, сказал им сердито кузнец;—Бога вы не боитесь. Божья тварь погибает, а вы слугу радуетесь,—и, поставя лестницу на загоревшуюся кровлю, он полез за кошкою—она поняла его намерение и с видом торопливой благодарности—уцепилась за его рукав. Полуобгорелый кузнец со своей добычей полез вниз» ³⁾.

Люди-звери, хладнокровно сжигающие своих врагов, оказывается, вовсе не звери; наоборот, их душе свойственны самые нежные чувства, и самые благородные, хотя и примитивные, может быть, порывы; они способны на самоотвержение, даже по незначительному поводу. Но социальные отношения были так возмутительно несправедливы, так резко раскалывали людей на два класса, заставляли угнетаемых в такой степени ненавидеть своих угнетателей и их приспешников, что иногда эти самые хорошие люди способны были обращаться в зверей.

Примечателен и конец «Дубровского». Владимир Дубровский, набрав толпу из своих крестьян, превратился в разбойника. Он грабил помещиков

¹⁾ Т. е. с чиновниками, приехавшими «вводить во владение» Троекурова.

²⁾ Соч., т. IV, стр. 299.

³⁾ Соч., т. IV, стр. 302.

и богатых людей и не трогал крестьян и бедных. Последние видели в нем своего заступника. Он грабил «справедливо». Такой образ «справедливого» разбойника не выдуман Пушкиным. Этот образ исторически правдив; он отразился в наших разбойничьих песнях, он чисто-народен. Шайка таких разбойников это—ячейка людей, ополчившихся против своих угнетателей, их деятельность—первые проблески грядущей социальной революции. На такие проблески всегда были способны наши крестьяне, готовые постоять за себя, и эти проблески с гениальной прозорливостью подметил и изобразил Пушкин.

Лишь благодаря своему невежеству, цензура той поры не поняла великого революционного смысла «Дубровского» и пропустила эту повесть (правда, все-таки вычеркнув некоторые места).

В другом своем крупном произведении последних лет жизни, в «Капитанской дочке» (1834—1836), Пушкин также серьезно касается вопроса о крепостном праве. Перед нами семья Гринёвых, помещиков добрых, не извергов. Крепостным у них живется хорошо. Слуги искренно преданы своим господам. Особенно замечательна великолепная фигура Савельича, старого дядьки барчука. Савельич готов жизнь положить за своего воспитанника, не бросает его в момент смертельной опасности, готов идти на виселицу вместо него, не робеет даже перед самим Пугачевым, отстаивая своего барина и его добро. Господа тоже любят своего слугу. Но все же от поры до времени прорываются и иные нотки, и тем оскорбительнее они, что дело идет о таком человеке, как Савельич. Вот например, каким тоном позволяет себе писать старик Гринев Савельичу

«Стыдно тебе, старый пес, что ты, не взирая на мои строгие приказания, мне не донос о сыне моем Петре Андреевиче, и что посторонние принуждены уведомлять меня о его проказах. Так ли исполняешь ты свою должность и господскую волю? Я тебя старого пса, пошлю свиней пасти за утайку правды и потворство молодому человеку»¹⁾.

Но наиболее интересно для нас в «Капитанской дочке»—изображение крестьянского восстания.

Пугачевщиной, этой своеобразной смесью разбойничьего прохождения и социальной революции, Пушкин сильно заинтересовался. Он написал специальную «Историю Пугачевского бунта», изучив для того массу документов, даже посетив те места, где разыгрывались описываемые события. «История Пугачевского бунта» не высоко ценится историками. Это не история, как мы ее понимаем; там мы не найдем научного анализа событий, исследования их социальных причин. Это просто сухой, сжатый рассказ о внешних фактах пугачевщины, без попытки осветить причины движения. Однако, нельзя думать, что Пушкин не понимал этих причин. О них просто невозможно было говорить по тогдашним цензурным условиям. Но то, чего нельзя было высказать в «Истории», Пушкин попытался провести, так сказать, контрабандой, в повести, где историческая правда переплетается с вымыслом художника.

Пугачевщина была, прежде всего, восстанием крестьян против помещиков, была своеобразной социальной революцией XVIII века. Успех Пугачева, главным образом, основывался на том, что он обещал крестьянам «землю и волю», что он давал им фактическую возможность расправляться со своими помещиками и сам расправлялся с ними. И это Пушкин, несомненно, понимал. Самым замечательным в этом отношении местом «Капитанской дочки» является выпущенная глава, где изображается бунт

¹⁾ Соч., т. IV, стр. 399.

крестьян Гринева. Молодой Гринев едет, чтобы повидаться с родителями и невестой.

«Лошади мчались во весь дух. Вдруг посреди улицы ямщик начал их удерживать.— Что такое?—спросил я с нетерпением.—Застава, барин, отвечал ямщик, с трудом останавливая разъяренных коней. В самом деле, я увидел рогатку и караульного с дубиною. Мужик подошел ко мне и снял шляпу, спрашивая пашпорту.—Что это значит, спросил я его.—Зачем здесь рогатка? Кого ты караулишь?—Да мы, батюшка, бунтуем,—отвечал он, почесываясь.—А где ваши господа?—спросил я с сердечным замиранием.

— Господа-то наши где?—повторил мужик.—Господа ваши в хлебном амбаре.

— Как в амбаре?—Да Андрюха—земский посадил, вишь, их в колодки—и хочет везти к Батюшке-Государю!..

Хлебный амбар находился на дворе. У запертых дверей стояли два мужика с дубинами. Телега остановилась прямо перед ними. Я выскочил и бросился прямо на них.—Отвори дверь!—сказал я им.—Вероятно, вид мой был страшен; по крайней мере, оба убежали, бросив дубины. Я попытался сбить замок с двери, выломать;—но двери дубовые, а огромный замок несокрушим. В эту минуту молодой мужик вышел из людской избы и с видом надменным спросил меня, как я смею бунтить.—Где Андрюшка земский, закричал я ему.—Кликнуть его ко мне!

— Я сам Андрей Афанасьевич, а не Андрюшка,—отвечал он мне, гордо подбочась.—Чего надобно?...»

Проникнув в амбар, Гринев—«увидел отца и мать. Руки их были связаны,—на ноги набиты колодки»... Я спешил саблею разрезать узлы их веревок и вывести их из заключения;—но, подошед к двери, я нашел ее снова запертою.—Андрюшка, закричал я, отойди.—Как не так, отвечал из-за двери земский. Сиди-ка сам здесь. Вот, уж научим тебя бунтить да за ворот таскать Государевых чиновников» ¹⁾).

Вскоре амбар был подожжен, и спастись Гриневым удалось лишь случайно, так как во-время подоспел эскадрон правительственных солдат, которые усмирили бунтовщиков. «На другой день доложили батюшке, что крестьяне явились на барский двор с повинною». Барин их простил.

«Мужики поклонились и пошли на барщину как ни в чем не бывало» ²⁾. Нетрудно было снова превратить мужиков в рабов. Не умели они еще тогда бунтовать. И крепко сидели еще в своих поместьях помещики.

Но все же Гриневы спаслись только благодаря счастливой случайности. Не мало помещиков было перебито, пожжено, перевешано. Волна социального протеста была так сильна, что ею оказывались захвачены крестьяне и таких сравнительно хороших помещиков, как Гриневы. Им приходилось расплачиваться за грехи всего класса, к которому они принадлежали.

В «Капитанской дочке» Пушкин говорил не только о том, что крепостное право несправедливо и позорно, но и как бы хотел напомнить рабовладельцам, что крепостное право не безопасно для них.

Но, может быть, самой интересной попыткой у Пушкина нарисовать быт крепостного крестьянина является неоконченная повесть «История села Горюхина» (1830). На это замечательное произведение долгое время не обращали должного внимания, считая его шуткой, пародией на историков, во всяком случае, не причисляя его к тем произведениям, которые составляют славу поэта. Даже заглавие этого произведения печаталось с ошибкой—«Горохино» вместо «Горюхина» ³⁾. Лишь в последние годы «История села Горюхина» получила должное признание ⁴⁾.

В 1830 г., осенью, Пушкин, собираясь жениться, приехал для устройства хозяйственных дел в имение своего отца—Болдино, Нижегородской губ., Лукьяновского уезда. Имение было разорено и запущено. Занимаясь

¹⁾ Соч., т. IV, стр. 439.

²⁾ Соч., т. IV, стр. 443.

³⁾ См. об этом заметку в венгеровском издании, т. IV, стр. 226.

⁴⁾ См. прекрасную статью А. Искоза в венгеровском издании, т. IV, стр. 237—246.

хозяйством, Пушкин имел случай приглядеться еще раз к быту крепостных крестьян.

Бывшая в то время сильная холера, средствами борьбы против которой тогда считались карантин, задержала Пушкина в Болдине гораздо дольше, чем он предполагал там прожить. Уединением Пушкин воспользовался, и работал очень интенсивно. В небольшое сравнительно время он написал ряд выдающихся произведений, в том числе свои гениальные «маленькие трагедии», «Повести Белкина» и «Историю села Горюхина». Желая изобразить быт крестьянства, Пушкин, конечно, предвидел сильные цензурные затруднения. И вот ему приходит мысль в виде шутки рассказать о том, о чем нельзя было говорить серьезно. Наивно-комическим слогом простодушного помещика Белкина, вообразившего себя писателем и историком, рассказывает Пушкин историю своего «Горюхина».

«Основание Горюхина», — так начинается самое повествование, — «и первоначальное население оно покрыто мраком неизвестности. Темные предания гласят, что некогда Горюхино было село богатое и обширное, что все жители оно были зажиточны, что оброк собирали единожды в год и отсылали неведомо кому, на нескольких возах. — В то время все покупали дешево и дорого продавали. Прикащиков не существовало; старосты никого не обижали; обитатели работали мало, а жили припеваючи, и пастухи стерегли стадо в сапогах» ¹⁾.

Но так было в «баснословные времена». Впоследствии же [дела] пошли хуже:

«Село Горюхино издревле принадлежало знаменитому роду Белкиных. Но предки мои, владея многими отчинами, не обращали внимания на сию отдаленную страну. Горюхино платило малую дань и управлялось старшинами, избираемыми народом на вече, мирскою сходкою называемою» ²⁾. Потом «родовые имения Белкиных раздробились и пришли в упадок. Обедневшие внуки богатого деда не могли отвыкнуть от роскошных своих привычек — и требовали прежнего полного дохода от имения, в десять крат уже уменьшившегося. Грозные предписания следовали одно за другим. Староста читал их на вече; старшины витийствовали, мир волновался, — а Господа, вместо двойного оброка, получали скучные отговорки и смиренные жалобы, писанные на засаленной бумаге и запечатанные грошем» ³⁾.

Наконец, господам это надоело; они решили действовать энергичнее и послали в Горюхино приказчика. Приехав «в самый день храмового праздника», он

«повелительным голосом потребовал старосту Трифона. Сей сановник находился в увеселительном здании, откуда двое старшин почтительно вывели его под руки. — Незнакомец посмотрел на него грозно, подал ему письмо и велел читать оное немедленно. Староста был неграмотен. Старосты горюхинские имели обыкновение никогда сами ничего не читать. Послали за земским Авдеем. Его нашли неподалеку спящего в переулке под забором, и привели к незнакомцу. Но или от внезапного испуга, или от горестного предчувствия, буквы письма, четко написанного, показались ему отуманенными, и он не был в состоянии их разобрать. — Незнакомец старосту Трифона и земского Авдея с ужасным проклятием отослав спать, отложил чтение письма до завтрашнего дня» ⁴⁾...

Утром горюхинцы собрались на сходку.

«Глаза их были мутны и красны, лица опухлы; они, зевая и почесываясь, смотрели на человека в картузе и старом голубом кафтане, важно стоявшего на крыльце приказной избы».

Приказчик велел прочесть письмо барина и

«произнес следующую краткую, но выразительную речь: «Смотрите-ж вы у меня, не очень умничайте — вы, я знаю, народ избалованный; да я, небось, выбью дурь из ваших голов скорее вчерашнего хмеля». Хмеля ни в одной голове уже не было, и горюхинцы, как громом пораженные, повесили носы и с ужасом разошлись по домам» ⁴⁾.

Началось «правление приказчика». Он проводил такую «политиче-

¹⁾ Соч., т. IV, стр. 232.

²⁾ Соч., т. IV, стр. 233.

³⁾ Соч., т. IV, стр. 233—234.

⁴⁾ Соч., т. IV, стр. 234.

скую систему», что «мужики, кажется, платили и не слишком более противу прежнего, но никак не могли ни наработать ни накопить достаточно денег». Бедных он отдал в батраки богатым и собирав с них двойной оброк.

«В 3 года Горюхино совершенно обнищало... базар запустел, песни Архипа Лысова умолкли. Половина мужиков была на пашне, другая служила в батраках; ребятишки по-шли по-миру—и день храмового праздника сделался, по выражению летописца¹⁾, не днем радости и ликования, но годовщиною печали и поминания горестного»²⁾.

Приказчик же, доставляя барину требуемый оброк, набивал и свои карманы. Особым торжеством «корыстолюбивому правителю» было рекрутство. Горюхинский летописец повествует об этом так:

«Посадил окаанный приказчик Антона Тимофеева в железы—а старик Тимофей откупил сына за 100 руб.; а приказчик заковал Петрушку Еремеева, и того откупил отец за 68 руб., и хотел окаанный сковать Леху Тарасова, но тот бежал в лес—и приказчик о том весьма крушился и свирепствовал во словесах; а отвезли в город и отдали в рекруты Ваньку пьяницу»³⁾...

Пушкин хотел в дальнейшем описать Горюхино и под управлением самих бар, но не успел. «История» осталась незаконченной. Только во введении дано несколько ярких штрихов горюхинского быта под управлением самого помещика из времен прадеда Белкина. Вот какие записи делал он на календаре:

«4-го мая снег. Тришка за грубость бит. 6-го—корова бурая пала. Сенька за пьянство бит. 8-го—погода ясная. 9-го—дождь и снег. Тришка бит по погоде. 10-го—Тришка за пьянство бит... и тому подобное... 11-го—погода ясная, пороша; затравил трех зайцев»⁴⁾.

В заключение Пушкин знакомит читателей «с этнографическим и статистическим состоянием Горюхина и с правами и обычаями его обитателей».

«Мушны,—читаем мы,—женятся обыкновенно на 13-м году на девицах 20-летних. Жены били своих мужей в течение 4 или 5 лет. После чего мужья уже начинали бить жен; и таким образом оба пола имели свое время власти, и равновесие было соблюдено.

Обряды похорон происходили следующим образом. В самый день смерти покойника относили на кладбище, дабы мертвый в избе не занимал напрасно лишнего места. От сего случалось, что, к неописанной радости родственников, мертвец чихал или зевал в ту самую минуту, как его выносили в гроб за околицу. Жены оплакивали мужей, вой и приговаривая: «свет, моя удалая головушка, на кого ты меня покинул? чем-то мне тебя поминать?» При возвращении с кладбища начиналась тризна в честь покойника, и родственники и друзья бывали пьяны по 2—3 дня, или даже целую неделю, смотря по усердию и привязанности к его памяти. Сии древние обряды сохраняются и поныне»⁵⁾.

Все это может вызвать улыбку, но если вдуматься глубже в нарисованную картину, то нельзя не увидеть, что за этими словами скрывается страшная трагедия жизни «великого Горюхина, Николаевской России тожд».

Тринадцатилетние мальчики женятся на девицах 20-летних.

Тут и ужасное положение женщины, на которую смотрели исключительно, как на рабочую силу, тут и зародыши такого «бытового явления» российской действительности, как снохачество...

Покойника скорее тащат на кладбище, чтобы «не занимал напрасно лишнего места». «Случалось, что... мертвец чихал или зевал в ту самую минуту, как его выносили в гроб за околицу».

Хорошо, если так. Но не редки, вероятно, были случаи, что покойник «чихал или зевал», когда это было уже слишком поздно»⁶⁾...

¹⁾ Горюхинского дьячка.

²⁾ Там же, стр. 234.

³⁾ Соч., т. IV, стр. 234—235.

⁴⁾ Соч. Пушкина под ред. Ефремова, 1903, т. IV, стр. 402—403.

⁵⁾ Соч., т. IV, стр. 235—236.

⁶⁾ Двадцать лет спустя после того, как Пушкин написал свою «Историю села Горюхина», другой русский писатель, теперь почти забытый—Решетников, написал произведение,

В «Истории села Горюхина» Пушкин изображает не столько ужас крепостного быта, сколько ужас того состояния страшной народной темноты, невежества, поголовного пьянства, в котором пребывала николаевская деревня ¹⁾.

Чтобы сказать то, о чем было приказано молчать, Пушкин и загримировался простодушно-комическим Белкиным, может быть, и придумал-то он его именно из-за этого.

Из сказанного, думается, ясно, что Пушкин не мало страниц посвятил вопросу о положении крепостного крестьянина и потому имел право сказать о себе:

«вслед Радищеву восславил я свободу».

Третьему виду освобождения—освобождению от темноты и невежества посредством культуры—Пушкин также всегда служил. Все творчество его—гимн просвещению, культуре. Об этом мы будем еще говорить.

III.

Пушкин—изобразитель жизни русского общества 20-х гг. XIX в.—«Обыватели», «длинные люди» и «интеллигенция».—Что надо понимать под словом «интеллигент»?—Анализ типа Евгения Онегина.—Другие мужские типы в произведениях Пушкина—Ленский, Дубровский и пр.

Принадлежа сам к дворянскому классу, постоянно вращаясь в среде, так называемого, «высшего» общества, Пушкин прекрасно и всесторонне знал его. Не одни только взаимоотношения дворянства и крестьянства изобразил он в своих произведениях. Он представил нам жизнь помещичьего класса своей эпохи всесторонне. В этом смысле его произведения—исторический документ, по которому мы можем знакомиться с бытом, нравами и идеями того времени. Наиболее полно изображена эта жизнь в крупнейшем произведении Пушкина—в романе «Евгений Онегин».

Может, правда, возникнуть одно сомнение. Ведь герои «Онегина»—плод создания фантазии поэта. Онегин, Татьяна, Ленский в действительности не существовали. Стало быть, их жизнь, взгляды, судьба, может быть, просто выдуманы поэтом и произведение вовсе не имеет ценности исторического документа. Но обстоятельное изучение эпохи и романа Пушкина разрушает это сомнение. Онегин, Татьяна, Ленский—не существовали в действительности, но подобные им люди, люди с таким

в свое время произведшее очень сильное впечатление,—повесть «Подлиповцы». Там так же, как и в пушкинской «Истории села Горюхина», изображается жизнь дикой, заброшенной деревни, и там мы встречаемся как раз с теми же картинами—и пьянство, и невероятные семейные отношения и даже закапывание в землю покойника, который на самом деле был еще жив. То, что так потрясало и подробно рассказал Решетников, уже дал Пушкин в своей «Истории села Горюхина», только на нее, к сожалению, в свое время не обратили должного внимания.

¹⁾ Ужасом веет даже от таких мелких подробностей, как рассказ о том, что Горюхино «к востоку примыкает... к диким, необитаемым местам, к непроходимому болоту, где произрастает одна клюква, где раздается лишь однообразное кваканье лягушек, и где суеверное предание предполагает быть обиталищу некоего беса».

NB. Сие болото и называется Бесовским. Рассказывают, будто одна полоумная нагушка стерегла стадо свиней не далее от сего уединенного места. Она сделалась беременною и никак не могла удовлетворительно объяснить сего случая. Глас народный обвинял болотного Беса... (Соч., т. IV, стр. 235.) Рассказ, прекрасно характеризующий степень культурности и нравственный уровень обитателей тогдашней деревни...

же воспитанием, с такими же взглядами, интересами и убеждениями, с такою же судьбою—существовали. Это были люди той самой среды, в которой жил Пушкин. Краски для «Евгения Онегина» Пушкин брал из окружающей его действительности, по свежим впечатлениям описывая и Петербург 1817—1820 гг., и деревню, и Москву, и Одессу, и снова Петербург. Изучая жизнь действительно существовавших людей,—самого Пушкина, его знакомых, людей его круга, изучая их письма, дневники, альбомы, книги, которые они читали, изучая мемуарную литературу эпохи,—мы можем точно установить, что «Евгений Онегин»—действительно «исторический документ». Это даже более, чем просто исторический документ. Это—живой исторический документ. Волшебник-художник как бы выхватил из жизни несколько людей и обессмертил их, и вот они живут перед нами на страницах его книги, и мы можем знакомиться с ними, рассматривать их, изучать, копаться в их душах, как будто они—наши современники. Вот подлинное и великое чудо искусства!

В «Евгении Онегине», над созданием которого Пушкин трудился около 8 лет (1823—1830), изображается жизнь наиболее культурного слоя нашего дворянства конца александровской эпохи, в 1817—1825 годы. Жизнь эта производит странное впечатление на нас, людей другого века, стоящих на пороге новой исторической эпохи, когда все социальные отношения между классами должны перестроиться, когда должны будут стереться самые границы классов и государств, когда готовы рухнуть привычные основы жизни и в муках рождается новый, прекрасный мир.

При первом взгляде на людей, отделенных от нас столетием, на Онегина, Лариных, Ленского, их жизнь производит, пожалуй, благоприятное впечатление. Много красоты, изящества, поэзии. Люди образованные, прекрасно говорят по-французски, прекрасно умеют держаться в обществе, у них возвышенные интересы, они читают хорошие книги, ведут философские споры. Обстановка, в которой они живут, также красивая, изящная, культурная. Даже в деревне, где все проще, и то много красоты и поэзии. Так поэтичны старинные дома, и простенькие, как у Лариных, и старинные замки, как у Онегина, так прелестны окружающие их сады, луга, леса. И люди живут в них часто хорошие, добрые, честные... Но... во-первых, «мысль ужасная здесь душу омрачает»—мы не можем забыть, что эта красота, изящество, эта культурность только потому и могли существовать, что все это было создано на даровые средства, заработанные руками крестьян, мы не можем забыть, что рядом с поэтичными барскими хоромами стояли убогие крестьянские избышки крепостных рабов, которым добрые господа «брили лбы» и которых секли «за пьянство», «по погоде» и по другим поводам. Подробно об этом говорилось уже выше... Во-вторых, вся эта жизнь поражает нас своей абсолютной беспечностью, бессодержательностью и пустотой. И тем более несправедливой и возмутительной кажется та цена, которой эта жизнь покупалась, тем более ужасной представляется та великая социальная неправда, которая лежала тогда в основе жизни и порождала лишь красивые пустоцветы. Если наша мысль может мириться с тем, как заметил однажды Герцен, что благодаря крепостным отношениям, благодаря поту и крови 2—3 тысяч рабов, возрос, воспитался и мог творить Пушкин, то мы никак не можем помириться, когда этот пот и эта кровь идут только на то, чтобы возвращать людей, не приносящих никому никакой пользы.

У людей той эпохи обычно совершенно отсутствовало сознание долга, сознание необходимости что-то такое сделать, принести хоть какую-нибудь пользу, хоть в чем-нибудь способствовать движению человечества вперед. Это были «лишние люди». Большинство из них совершенно не понимало своей ненужности, «лишности», если можно так выра-

зиться, никакими высокими целями не задавалось, считало, что иначе жить нельзя. Это обыкновенные «обыватели», такие, как родители Татьяны, как сестра ее, Ольга. Таких были тысячи.

Но среди них выделялись отдельные единицы, которые были недовольны своей жизнью, которые чувствовали ее пустоту, смутно понимали, что что-то неладно, что надо бы жить не так; но как именно надо жить, каким образом переродиться, они не знали. Это — «лишние люди» в несколько особом смысле этого слова. Эти люди, конечно, для нас особо интересны. Таков герой романа — Онегин. Таковы образы, выводимые и другими нашими писателями: Чацкий — Грибоедова («Горе от ума»), Печорин — Лермонтова («Герой нашего времени»), Рудин («Рудин») и Лаврецкий («Дворянское гнездо») — Тургенева, Обломов («Обломов») Гончарова и другие, вплоть до героев Чехова. Каково место этих людей в жизни? Чтобы ответить на этот крайне важный вопрос, нам надо сделать некоторое отступление.

Если мы станем приглядываться к любому обществу, живущему культурною жизнью, то мы заметим, что оно распадается на две неравные части. Большая часть — это серая масса, «обыватели», люди, живущие обыденными, прежде всего своими личными интересами.

Прекрасный портрет такого «обывателя» дал Пушкин же в «Евгении Онегине». Желая показать, что Онегин — не такой, как все, Пушкин рисует этого «такого как все», шутливо его восхваляя:

«Блажен, кто смолоду был молод,
Блажен, кто во время созрел,
Кто постепенно жизни холод
С летами вытерпеть умел,
Кто странным сном не предавался,
Кто черни светской не чуждался,
Кто в двадцать лет был франт иль хват.
А в тридцать выгодно женат;
Кто в пятьдесят освободился
От частных и других долгов,
Кто славы, денег и чинов
Спокойно в очередь добился,
О ком твердили целый век:
NN прекрасный человек»¹⁾.

Этот «NN прекрасный человек», ему же имя легион, живет так, как принято, и прежде всего стремится к личному благополучию. Он старается взять от жизни все, что ему нужно, — а запросы его не высокого порядка: в 20 лет — он веселится: он «франт иль хват»; в 30 — он женится, но непременно «выгодно»; в 50 — он освобождается от долгов, добывается «денег, славы и чинов», т. е. личного материального благосостояния, «мещанского счастья», стремление к которому и было целью всей его жизни. Таких людей обыкновенно называют — «обывателями», «представителями духовного мещанства», «филистерами». Самое типичное для них — это именно стремление к личному счастью, к личной материальной выгоде. Когда сталкиваются их выгоды и интересы с общественными, они, не задумываясь, нанесут ущерб обществу, другим, но не забудут себя. Когда сталкивается понятие выгоды с понятием долга, они, конечно, не выполняют последнего. Понятие о долге у них обычно вовсе отсутствует, так же как и понятие о необходимости общественной работы, работы на благо других.

Те же люди, у которых это понятие о долге есть, которые стараются свой долг осуществлять прежде всего, и представляют вторую, меньшую

¹⁾ «Е. О.», гл. 8-я, строфа X (Соч., т. III, стр. 307).

но неизмеримо более ценную часть общества. Этих людей мы называем интеллигентами.

Термины «интеллигент», «интеллигенция» сами по себе недостаточно ясны, и их обычно понимают очень различно. В обыкновенном, ходячем, смысле часто говорят, например, об «интеллигентных манерах», об «интеллигентном лице», об «интеллигентной внешности» и т. д., определяют «интеллигента» по внешним признакам, считая часто за «интеллигента» всякого человека более или менее прилично одетого, умеющего более или менее прилично держаться, имеющего известное образование и т. д. Иной раз под «интеллигенцией» понимаются люди, так называемых, «свободных профессий» — адвокаты, врачи, ученые, а также служащие, чиновники. В этом смысле «интеллигенцию» противопоставляют обычно «буржуазии», т. е. помещикам, фабрикантам, купцам и другим капиталистам, с одной стороны, — и «народу», т. е. крестьянам и рабочим, «пролетариату», — с другой. Мысля так интеллигенцию, говорят об ее «долге перед народом», о том, что она «отошла от пролетариата, стала чуждой его интересам» и т. д. Но возможны и другие толкования смысла слов «интеллигент», «интеллигенция». Их было дано не мало; не мало спорили о том, «что же такое, наконец, интеллигенция», и так и не решили этого вопроса. Поэтому нам необходимо условиться, что именно мы будем понимать под этими словами. Мы будем понимать под термином «интеллигенты» тех людей, которые противоположны «мещанам», «обывателям», «филистерам», «NN прекрасным людям» по тем целям, которые они ставят себе в жизни. Тех людей, которые главной целью, основным смыслом своей жизни считают не личное благо, не стремление к достижению материального благосостояния, а прежде всего свою общественную работу, исполнение своего долга, в чем бы они ни состоял; людей, которые, при столкновении долга с личным интересом, предпочтут поступить так, как велит им долг, хотя бы лично для них это было и невыгодно и неприятно.

Пушкин, певец интеллигентности, дал нам прекрасный образ такого интеллигента в одном из своих стихотворений. В его «Снегах из рыцарских времен» есть дивная песня о «рыцаре бедном». Вот она:

«Жил на свете рыцарь бедный,
Молчаливый и простой,
С виду сумрачный и бледный,
Духом смелый и прямой.
Он имел одно виденье,
Непостижное уму,
И глубоко впечатление
В сердце врезалось ему.
С той поры, сгорев душою,
Он на женщин не смотрел,
Он до гроба ни с одною
Молвить слова не хотел.
Он себе не шею четки
Вместо шарфа навязал,
И с лица стальной решетки
Ни пред кем не подымал.
Полон чистою любовью,
Верен сладостной мечте,
А. М. Д.¹⁾ своею кровью
Начертал он на щите.
И в пустынях Палестины,
Между тем, как по скалам
Мчались в битву Паладины,
Именуя громко дам,—

¹⁾ А. М. Д. — очевидно, начальные буквы латинских слов «*Anno Matrem Dei*», т. е. «люблю Матерь Божию».

Lumen coeli, sancta Rosa! ¹⁾

Еосклипал он дик и рьян,

И как гром его угроза

Поражала Мусульман.

Возвратясь в свой замок дальний.

Жил он, строго заключен,

Все безмолвный, все печальный,

Как безумец, умер он ²⁾.

Тут обстановка средневековья. Паладины, рыцари, служащие дамам, и среди них этот «рыцарь бедный», отправляющийся защищать гроб Господень в Палестину, но суть дела от этого не меняется. «Рыцарь бедный» — типичный «интеллигент» в том смысле этого слова, как мы его понимаем. Он — не такой, как все. Он и лицом отличается от прочих и характером:

«С виду сумрачный и бледный,
Духом смелый и прямой».

Все остальные живут, не задаваясь высокими идеалами, стремятся к личному счастью, сражаются за дам. А он — «имел одно виденье», он «предался» «странным снам», и то, что интересовало всех, перестало интересоваться его. Он нашел высшую цель жизни, нашел то, в чем увидал свой долг, и к чему стал теперь стремиться. С точки зрения толпы, тех, кто живет, как все, и думает лишь о личном благосостоянии, он — «безумец».

Но если бы не было таких безумцев, человечество не двигалось бы вперед и вечно пребывало бы в состоянии дикого варварства.

Такие «безумцы» — интеллигенты, не думающие о личном счастье, а стремящиеся к исполнению своего общественного долга. Такие «безумцы» — ученые, которые, презирая часто материальные блага жизни, подвергая жизнь опасности, исследуют природу, борются с болезнями, гибнут при попытке завоевать стихии. Такие безумцы — поэты и философы, композиторы и художники, которые стремятся разрешить сокровенные вопросы, волнующие человечество, или создать великие произведения искусства, возвышающие дух человека, доставляющие ему величайшее доступное на земле счастье. Такие безумцы — общественные деятели, революционеры, которые, не заботясь о личных благах, бросая часто хорошие условия жизни, семью, идут на служение своему делу, идут за него и в ссылку, и в тюрьмы, и на виселицу...

«Как безумец, умер» «рыцарь бедный». «Безумцами» кажутся толпе ученые, философы, революционеры, особенно, если они гибнут, не достигая своих целей.

Но бывают случаи, когда цели достигаются, когда «безумцы» и побеждают.

Многого достигло человечество. Изумительна сила человеческого гения. Люди изобрели телефоны, беспроводный телеграф, фонограф, победили многие болезни; люди создали великие произведения искусства; люди завоевали себе многие права, сокрушили не одного угнетателя, и все это благодаря тому, что были такие «безумцы», «интеллигенты», которые не думали о своей личной выгоде, а думали об общем благе, которые сначала погибали, а потом и побеждали.

Конечно, было бы ошибкой думать, что общество действительно так легко поделить на эти две категории, как мы только что сделали. Жизнь человеческая слишком сложна, и для того, чтобы ее постичнуть, приходится ее несколько искусственно упрощать. Такое упрощение произвели и мы. Не всегда в жизни встречаются, так сказать, только «чистые» обыватели и интеллигенты. Есть значительное количество лиц «промежуточного состояния». Если еще «идеального обывателя» нетрудно найти, то «интеллигентов в чистом виде», может быть, очень мало.

¹⁾ Т. е. «Свет небесный, святая Роза!»

²⁾ Соч., т. IV ст. 36

«Интеллигентность»—это своего рода святость, это идеал. И как человек не может быть абсолютно «святым», абсолютно «безгрешным», с точки зрения религиозной, так, может быть, он не в состоянии стать и «абсолютным интеллигентом». Он может только приближаться более или менее к идеалу интеллигентности. Целый ряд условий заставляет человека «грешить» против этого идеала. Почти никогда люди не могут совершенно оторваться от материальных условий жизни и совершенно забыть о личном благосостоянии. Обычно, эти условия бывают таковы, что человеку не удается выполнить своего интеллигентского долга, как он его понимает. Либо он должен все время трудиться лишь для добывания пропитания себе и семье, либо у него нет достаточной подготовки и умения делать то дело, к которому он способен, либо по свойствам своего характера он оказывается неспособным вынести предстоящую ему борьбу, либо, наконец, ему мешают какие-нибудь внешние обстоятельства, например, противодействие правительства, арест, ссылка и т. д. Человеку не удастся, в результате, осуществить то, к чему он стремился и что мог бы осуществить, живи он в других условиях. Под гнетом обстоятельств «интеллигент» может превратиться в «обывателя», бросить свои идеалы и мечты, погрязнуть в житейской суете. При известных же условиях и «обыватель» может возвыситься до «интеллигентности».

Итак, между «типичным обывателем» и «типичным интеллигентом» находится еще большой «промежуточный слой людей». Вот этих-то людей и принято называть «лишними людьми» в том особом смысле, в каком мы называли Онегина.

Такие «лишние люди» бывают везде и всегда, но при некоторых условиях, в некоторые эпохи, их бывает особенно много. Условия русской действительности 20-х г.г. прошлого столетия и последующие годы были как раз таковы, что человеку крайне легко было оказаться «лишним». Поэтому в нашей литературе так много героев—«лишних людей».

Для того, чтобы возвыситься до степени «интеллигентности», надо выработать соответствующее миросозерцание и суметь воплотить его в дело. Но сделать и то и другое сто лет тому назад в России было очень трудно. Выработать самостоятельно свое собственное миросозерцание может если не гений, то, во всяком случае, человек очень крупного ума. Рядовому человеку, хотя бы и талантливому, это не под силу; он обычно примыкает к одному из путей, проложенных другими. Трагедия русского человека 20-х г.г. прошлого столетия в том именно и заключалась, что таких «путей» в обществе никем еще проложено не было. Почти не было того, что мы называем теперь общественной жизнью, не было общественных групп с определенными идеалами; не было политических партий с определенными программами и целями, с определенным прошлым; не было печати, газет, журналов, которые могли бы широко развить миросозерцание человека; не было культурных навыков, не было примера, не было проторенной дороги «интеллигентского» дела. В своей семье, в окружающей его среде человек той поры не видал обыкновенно ничего такого, что могло бы облегчить ему выработку интеллигентского миросозерцания.

Все это Пушкин прекрасно изобразил, рассказав нам жизнь своего Онегина.

Что видел Онегин в семье?

«Служив отлично, благородно,
Долгами жил его отец;
Давал три бала ежегодно,
И промотался наконец»¹⁾.

¹⁾ Гл. 1-я, строфа III. (Соч., т. III, стр. 238.)

Воспитание не дало ребенку никаких идеалов, не внушило никакого понятия о долге. Ребенка воспитывала сначала француженка, потом француз, который учил его «всему шутя»,

«Чтоб не измучилось дитя...

Слегка за шалости бранил,

И в Летний сад гулять водил»¹⁾...

Онегин вышел в свет, как и все тогда, безразлично, учились ли они дома, или в учебных заведениях, очень поверхностно образованным, научившись лишь «чему-нибудь» и «как-нибудь», умея лишь хорошо болтать по-французски, танцевать, в совершенстве постигнув искусство вести себя в обществе, поддерживать остроумный разговор, ухаживать за дамами. Только обрывки знаний были в голове Онегина—кое-что помнил он полатыни, знал ряд исторических анекдотов, сам не понимая, для чего все это он знает. Круг сведений, которые тогда считали нужным сообщать ребенку, совершенно не подготавливал его к жизни, совершенно не влиял на выработку миросозерцания человека. Того, без чего нельзя сделаться полезным общественным деятелем, Онегин не знал; он не знал нужд России, не знал ее истории; он не был, как мы теперь говорим, «граждански грамотен». Он вошел в жизнь, и никто никогда не говорил ему о высоком долге общественного служения, о позоре праздной, тунеядческой жизни. Наоборот, принадлежа сам к тунеядческому классу, он на каждом шагу видел, что все жили так, ничего не делая, проводя время только на балах, в театрах, маскарадах, ресторанах, болтая от скуки, о чем придется, предаваясь «науке страсти нежной», и никто в этой пустой среде обычно не задумывался о каких-то высших целях, об общественном деле, о необходимости работать, никто не задумывался даже над тем, откуда берутся деньги для этой пустой, веселой и роскошной жизни.

Но воспитание Онегина не только ничего не дало ему—ни знаний, ни миросозерцания,—оно испортило его, приучило его к праздности и лени, как к нормальному состоянию. Ведь его учили «всему шутя», больше всего заботились о том, «чтоб не измучилось дитя». Всякое дело, как бы оно ни было интересно, может наскучить и утомить человека, во всяком деле есть неинтересная, черновая работа, которую надо преодолеть, чтобы достигнуть желаемых результатов, а для того надо уметь заставить себя работать, нужна привычка работать, нужна выдержка, сила воли. Ничего этого у Онегина не было и быть не могло.

Но так как он был умнее многих, то ему скоро надоела пустая жизнь, которую вело тогдашнее петербургское общество, надоело вставать поздно, ехать потом на бульвар, потом в ресторан, потом на балет, потом на бал и утром возвращаться домой, и так изо дня в день. Онегин пытается заняться делом—принимается писать. Но литературного таланта у него не было, и «ничего не вышло из пера его». Онегин пытается учиться, читать. Это скоро ему тоже надоело, а прихотить себя, заставить себя заниматься он не мог, да и не знал, зачем ему это, собственно, нужно. Попав в деревню, он, от скуки, пытается облегчить участь своих крепостных и заняться сельским хозяйством, но и это скоро надоедает ему. Терпенья не хватило, и он, передав все приказчику, стал скучать и в деревне, развлекаясь чтением, да разговорами с молодым, образованным соседом Ленским, с которым «от делать нечего» подружился.

Онегин чувствовал, что большинство окружающих его людей еще более пусты, чем он, но своей пустоты не сознают, и Онегин стал прези-

¹⁾ Там же., гл. I, строфа III.

рать людей. Поссорившись с Ленским и убив его на дуэли, Онегин покидает деревню, отправляется путешествовать. Но и путешествие не успокоило его, а, главное, не дало цели в жизни. По-прежнему скучающим возвращается он «на берега Невы». Ему скоро 30 лет. Но он, по-прежнему живя «без цели, без трудов», «томясь в бездействии досуга», «без службы, без жены, без дел», не нашел своего места в жизни. Тут, на балу, встречает он вышедшую замуж Татьяну, любовь которой в деревне не казалась ему особенно привлекательной. Теперь Татьяна его поражает; он влюбляется серьезно. У него является «цель в жизни» — добиться любви Татьяны. Но Татьяна непреклонна. Он мучится, страдает, снова пытается развлечься чтением, но и это его не успокаивает. Он преследует Татьяну, наконец получает решительный отказ. И опять перед Онегиным не остается ничего, кроме скуки, тоски и беспечной жизни, «в бездействии досуга», без службы, без дел и без цели...

Так бесплодно прошла жизнь человека, несомненно, умного, честного, который при других условиях жизни, при другом политическом и социальном строе мог бы стать и, несомненно, стал бы полезным членом общества — общественным деятелем, ученым, одним словом, — интеллигентным работником.

Кто же в этом виноват? Известная доля вины может быть отнесена, конечно, и на счет самого Онегина, на счет его личных качеств, его слабохарактерности, безволия, его пустоты и т. д. Но главным образом в этом виноваты те условия, в которых он жил (тем более, что и личные-то качества, характер человека, вырабатывается, в значительной степени, именно под влиянием условий, в которых живет человек), и прежде всего условия социальные. Онегин жил в дворянско-крепостнической России, был помещик-дворянин. В этом все и дело. И он, и его отец, и его дядя, и все его товарищи жили и могли жить «в бездействии досуга» потому, что они были рабовладельцы, потому, что у них были имения и крепостные крестьяне, потому, что они были материально вполне обеспечены, даже те, которые «промотались», потому что они принадлежали к туземческому классу. Это и было главной причиной беспечности жизни нашего высшего класса, причиной его неинтеллигентности.

Только большой талант позволял в те годы человеку стать полезным работником, рядовой же ум мог возвыситься разве лишь до уровня «лишнего человека», т. е. сознать пустоту своей жизни и окружающей среды, попытаться ее изменить и отступить после безуспешных попыток.

Мы уже говорили выше, что трудно было порвать человеку с условиями окружающей его жизни, так как не было соответствующих примеров, не было проторенной дороги. В наше время ребенка отдают в школу, потому, что так делают все, потому, что так заведено, потому, что иначе ему не на что было бы жить. Кончая среднюю школу, он переходит в высшую, избирает себе специальность, потом поступает на службу. Это обычный путь. Выбор значительно облегчен. Человек самым ходом вещей и существующими социально-общественными отношениями приводится к необходимости работать прежде всего. Пусть у него не будет интеллигентного мирозерцания, но все-таки он будет делать полезное дело.

Не то было сто лет тому назад. Правда, и тогда можно было служить. Многие из дворян и служили, на военной службе или на гражданской (в этом смысле — Онегин — исключение), но эта служба ничего не давала «для души». Казарменная, чиновничья, где все было связано предписаниями начальства, где все сводилось только к тому, чтобы получать чины и ордена

и «награжденья брать и весело пожить», где служили «делу, а не лицам» ¹⁾, где всякая свободная инициатива считалась крамольной и пресекалась—эта служба не могла удовлетворить Онегина. А так называемых интеллигентских «свободных профессий» в то время не существовало. Люди, занимающиеся наукой, рассматривались, как чиновники. Быть врачом, судьей, артистом, учителем, даже ученым, профессором,—считалось неприличным для дворянина. Известны случаи, что дворянин отказывался выдать замуж дочь за профессора только потому, что он не дворянин. Когда друг Пушкина—Пушкин, из идейных побуждений поступил на место судьи, то все пришли в ужас, и многие готовы были смотреть на него так, как в позднейшее время посмотрели бы на человека, поступившего, например, в сыщики. Только один Пушкин приветствовал героический поступок друга:

«Ты освятил тобою избранный сан», писал он...

Самый трудовой заработок считался в то время чем-то позорным для дворянина. До того извращены были все понятия при тогдашних нелепых социальных условиях! Порвать с общепринятыми взглядами могли только исключительные люди,—герои, а к таковым Онегин не принадлежал.

Общественной деятельности, в нашем смысле слова, не было тогда вовсе, политическая жизнь только лишь зарождалась, не было публичных собраний, лекций, диспутов; если и делались попытки, то они захватывали лишь небольшой круг людей и обычно пресекались правительством. К таким людям, как наши первые революционеры—декабристы, Онегин не примкнул—то были наши истинные интеллигенты, герои.

Судьба Онегина—судьба большинства молодых людей той эпохи, которые отошли от «обывательства», но не смогли стать интеллигентами.

Кроме Онегина, Пушкин рисует нам и других представителей молодежи той же эпохи. Друг Онегина—Ленский, получивший образование в Германии, «поклонник Канта и поэт», пылкий юноша с «вольнлюбивыми мечтами», тоже лишний: он ничего не делает и не представляет себе, что можно и что необходимо делать.

Судьба была безжалостна к Ленскому. Он юношей был убит на дуэли. Интересны предположения Пушкина о возможной судьбе Ленского, если бы он остался жив. Быть может, из него вышел бы крупный поэт или общественный деятель, или он даже был бы «повешен, как Рылеев» (т.-е., может быть, из него вышел бы интеллигентный деятель), а скорее всего—

«поэта
Обыкновенный ждал удел.
Прошли бы юности лета:
В нем пыл души бы охладел.
Во многом он бы изменился,
Расстался б с музами, женился,
В деревне, счастлив и рогат,
Носил бы стеганный халат;
Устал бы жизнь на самом деле,
Подаргу б в сорок лет имел,
Пил, ел, скучал, толстел, хирел,
И наконец в своей постеле
Скончался б посреди детей,
Плаксивых баб и лекарей», ²⁾

т. е. превратился бы в обывателя.

¹⁾ Известные выражения из «Горя от ума», Грибоедова.

²⁾ «Е. О.», гл. 6-ая, строфа XXXIX. (Соч., т. III, стр. 293—294).

Того же круга и молодой Дубровский, вышедший из той же среды, что и Онегин, получивший такое же поверхностное образование на французский лад, но резко отличающийся от Онегина, по характеру, как человек сильной воли, большой энергии и решимости, и жизнерадостный Берестов (повесть «Барышня-крестьянка»), только из кокетства прикидывающийся разочарованным (таких людей в то время было особенно много) и, наконец, совсем уж пустой граф Нулин, этот опошленный Онегин, человек, вполне довольный собой, никакими высокими идеями не занимающийся.

Все эти люди, по-своему, пожалуй и хорошие, живут беспечной жизнью и умирают, не оставив после своей жизни ничего.

Подобная галерея типов—резкое осуждение эпохе, ее быту, ее общественному строю. Чувствуется, что должны на смену им прийти иные люди, люди интеллигентного дела, что должен измениться и самый общественно-социальный строй, что должны создаться иные, более благоприятные, условия для жизни и интеллигентной деятельности.

IV.

Русская женщина 20-х гг. XIX в. в изображении Пушкина. Женские типы в «Евгении Онегине». — Женщины «обывательского» типа. Татьяна. Почему Татьяна не пошла за Онегиным? Судьба Татьяны. Героиня «Дубровского». Героиня «Метелю». Образ Полины в «Рославле».

Мы познакомились с тем, как изображает Пушкин мужские типы своей эпохи. Теперь посмотрим, как он рисует типы женщин. Женские образы Пушкин, великий знаток женской души, воспроизвел, пожалуй, еще ярче, чем мужские. Перед нами длинная вереница женских типов, начиная от барынь-крепостничек, и кончая истинно-интеллигентной по духу женщиной. Особенно же хорошо изобразил Пушкин судьбу «лишней» женщины в лице Татьяны в «Евгении Онегине».

Положение женщины в то время было значительно хуже, чем положение мужчины. Если для мужчины было трудно заняться каким-либо полезным делом, достигнуть уровня интеллигентности, то для женщины это было почти совершенно невозможно.

Только теперь, через 100 лет, в дни Великой Русской Революции, русская женщина стала равноправной и для нее открылись все те дороги, что и для мужчины. В предреволюционную эпоху для женщины еще многое было недоступно, но все же она могла работать на общее благо, могла стать врачом, педагогом, писательницей, ученой, могла заняться в той или иной форме общественным служением и стать интеллигенткой. А тогда, 100 лет тому назад, русской женщине все дороги были заказаны, все пути закрыты, и единственное, о чем женщина могла мечтать—это выйти замуж. Как бы само собою подразумевалось, что для женщины доступна только личная, только семейная жизнь, и лишь только в отдельных, совершенно исключительных случаях, женщина отваживалась в то время находить иные интересы—стремиться, например, к науке или к литературе.

Образование, которое получали девочки, было еще меньше и еще поверхностней образования мальчиков. Если мужчины могли все же получать образование и в университетах (иные даже в заграничных), в лицеях и других учебных заведениях, то учебных заведений для девочек в то время почти не существовало. Им давали исключительно домашнее воспитание, обычно приглашая для того французенок-гувернанток.

Дальше обучения французскому языку, танцам, игре на фортепьяно, изящным манерам—образование их не простиралось. Чтением они его тоже не могли пополнить, так как приходилось читать лишь мало говорящие уму романы. Никаких сведений о жизни вообще и о жизни русской, в частности, воспитание им не давало, а то, что они все-таки знали, оказывалось для них совершенно бесполезным и ненужным, даже вредным, так как, почерпая сведения из разных французских и английских чувствительных романов, они воображали, что и настоящая жизнь похожа на ту, о которой пишется в романах. Получалось нечто нелепое. Для того, чтобы хоть как-нибудь приспособиться к жизни, приходилось часто забыть все то, чему училась. Так было с матерью Татьяны. Когда ее, воспитанную на сентиментальных романах, на Ричардсоне и Руссо, выдали замуж за помещика Ларина, она долго скучала в деревне, не знала, что ей делать, плакала, чуть не развелась с мужем, но наконец все-таки приспособилась к новой жизни, стала звать «Акулькой» прежнюю Селину»...

...«езжала по работам,
Солила на зиму грибы,
Вела расходы, брила лбы,
Ходила в баню по субботам,
Служанок била, осердясь—
Все это мужа не спросясь»¹⁾.

Инстинкт хозяйки взял свое. Такова же и дочь ее—Ольга. Она очень мила,

«Всегда скромна, всегда послушна,
Всегда, как утро, весела»,

но она—вполне довольная собой и окружающей средой, совершенно пустая девушка, которая ни о чем другом, как о будущем замужестве не думает и думать не может. Это типичный, так сказать, «NN прекрасный человек» в юбке.

Такого же «обывательского» типа и героиня поэмы «Граф Нулин»,—Наталья Павловна, которая

«Своей хозяйственной частью
Не занималась, затем,
Что не в отеческом законе
Она воспитана была,
А в благородном пансионе
У эмигрантки Фальбала»²⁾.

От скуки она читала романы, и совершенно не знала, что ей делать, особенно, когда муж уезжал на охоту. Ей оставалось сидеть и смотреть в окно, как полоскаются в луже утки и как дерется козел с собакой.

Но Пушкина интересовали не эти, бегло очерченные им типы; он сумел разглядеть более возвышенную душу среди массы встречавшихся ему женщин и девушек. Судьбу этой, одной из лучших, но в то же время типичных для своей эпохи, женщин Пушкин и изобразил в лице героини «Онегина»—Татьяны.

Она—выше толпы. С первых же строк, как читатель знакомится с ней, видно, что она не такая, как все. Все девочки веселы, резвятся, любят игры, куклы. Татьяна—

«Дика, печальна, молчалива,
Как лань лесная, боязлива; она
«..... в толпе детей
Играть и прыгать не хотела,
И часто целый день одна
Сидела молча у окна»³⁾.

¹⁾ «Е. О.», гл. 2-ая, строфа XXXII. (Соч., т. III, стр. 256.)

²⁾ Соч., т. II, стр. 393.

³⁾ «Е. О.», гл. 2-ая, строфа XXV. (Соч., т. III, стр. 253.)

Любимым ее делом, когда она уже выросла, было думать, читать и мечтать. Живя в деревне, она никого и ничего не видала, едва ли имела настоящее понятие о культурной жизни в городах, о политике, о науке, об искусстве; она не видела никогда интеллигентных людей, не слыхала дельных разговоров, так как соседи-помещики говорили лишь «о сенокосе, о вине, о псарне, о своей родне». Она была очень мало развита, даже суеверна; верила «и снам, и карточным гаданьям, и предсказаниям луны». Но по натуре она была выше всего этого. Ее душа рвалась, чего-то искала. Единственное, что оставалось ей—чтение. Но что читать? Тогда еще не было произведений, по которым она могла бы изучить русскую жизнь, которые расширили бы ее кругозор, помогли бы ей выработать миросозерцание. Живи Татьяна лет на 50—60 позже, она бы читала Тургенева; ее идеалом стали бы Елена из «Накануне» и Марианна из «Нови», девушки, способные бросить семью, чтобы пойти служить делу, чтобы исполнить свой долг; она бы читала роман Чернышевского «Что делать?», где говорилось, что прежде всего надо делать дело и жить независимо, своим трудом; она бы воспитывалась на критических статьях Писарева и Добролюбова, призывающих к культурной работе и к выработке научного миросозерцания... Но в свое время Татьяна, как и ее мать, могла читать только те же французские или английские романы, где или широкоповестательно повествовалось о страданиях от несчастной любви или все дело венчал брак, где

«При конце последней части
Всегда наказан был порок,
Добру достойный был венок»¹⁾).

По этим романам Татьяна составляла себе представление о жизни. То, что ее окружало, было так неинтересно и плоско, так серо и скучно, а в романах жизнь изображалась такой интересной и поэтичной. Немуद्रено, что Таня начала тосковать, стала мечтать об идеальном герое, которого она полюбит, как любили героини романов, и с которым уйдет из этой жизни в какую-то другую, лучшую жизнь. И вот явился в деревне Онегин, разочарованный, холодный, умный, совсем не похожий на тех, кого Таня знала. Татьяна решила, что это—он, тот, кого она искала. Онегину Татьяна понравилась, но жениться он не собирался, да и не мог, очевидно, полюбить с первого взгляда наивную, провинциальную девушку. Он честно сказал ей об этом, в ответ на ее пылкое письмо, и предостерег, чтобы она в другой раз была поосторожнее. Но «другого раза» быть не могло. Полюбить еще кого-нибудь Татьяна была уже не в состоянии. Иной же цели в жизни она не знала, и для нее исчезла всякая надежда на счастье. Мать не могла понять причины грусти Тани, и решила выдать ее поскорее замуж, тем более, что сестра ее, Ольга, уже была замужем. Татьяну везут в Москву «на ярмарку невест» и выдают замуж за толстого генерала.

Почему Татьяна не протестовала? Почему она позволила себя выдать замуж?—Ее об этом со слезами просила мать. «Для бедной Тани все были жребии равны». Да и что она стала бы делать, если бы не вышла замуж?

И вот Татьяна попала в «высший свет». Она должна была появляться на балах, на которых бывали генералы и посланники. Этот свет заставил ее приспособиться к себе, и она, против воли, превратилась в светскую даму, в аристократку.

Когда, года через два, Онегин встретил ее на одном из балов, он, как мы знаем, был поражен и пленен ею. Но Татьяна просит оставить ее: «Судьба моя уж решена»... говорят она Онегину,—

¹⁾ «Е. О.», гл. 3-ья, строфа XI. (Соч., т. III, стр. 259).

«Я вышла замуж... Я вас люблю...
Но я другому отдана»
Я буду век ему верна»¹⁾.

Как объяснить ее отказ Онегину? Раньше Татьяна была такая смелая, решительная,—почему же она теперь не захотела взять своего счастья?

Пушкин не раскрыл нам тайны души Татьяны в этот миг. Она для нас, в значительной степени, загадка. Этим и объясняется то разнообразие оценок, которое давалось нашей критикой Татьяне.

Белинский резко осудил Татьяну, видел в этом отказе ее падение, видел тут пагубное влияние общества. Его особенно возмущало слово «отдана»—отдана, как будто какая вещь. Он считал большей безнравственностью жить с нелюбимым мужем, чем уйти к любимому человеку.

Совершенно иначе оценил поступок Татьяны Достоевский в своей знаменитой речи о Пушкине при открытии ему памятника в Москве. Достоевский увидел здесь проявление огромного нравственного величия. В словах: «я другому отдана; я буду век ему верна» Достоевский обращает внимание не на слово отдана, как Белинский, а на слово—«другому». Жизнь Татьяны уже связана с другим, с ее мужем, для которого она составляет счастье. Если бы Татьяна бросилась теперь к своему счастью, изменила бы мужу, то она тем самым отняла бы у него счастье. Татьяна не хочет покупать своего счастья ценою страданий другого, и она совершает великий подвиг самоотвержения, подвиг истинно-христианской любви. Взгляд Достоевского на Татьяну получил большое распространение, вошел в школьные учебники. Со слов Достоевского, Татьяна обычно считается «идеальной русской женщиной» в изображении Пушкина.

Но надо сказать, что Пушкин не дает определенных оснований для подобных заключений, которые сделали Белинский и Достоевский. Вчитываясь внимательнее в текст романа, новейший критик—Иванов-Разумник²⁾ обращает внимание на то место романа, где говорится, как Татьяна, пожав в усадьбу Онегина, по его книгам, по заметкам на их полях, разгадала наконец Онегина, увидела, что он вовсе не идеален, что он лишь кажется сильным, на самом же деле слаб, что он иногда не прочь порисоваться и прикинуться разочарованным. У Татьяны пропадает вера в Онегина. Когда Онегин приходит к Татьяне в последний раз, то первые ее слова—слова недоверия:

«... Что ж ныне
Меня преследуете вы?
Зачем у вас я на примете?
Не потому ль, что в высшем свете
Теперь являться я должна;
Что я богата и знатна;
Что муж в сраженьях изувечен;
Что нас за то ласкает Двор?
Не потому ль, что мой позор
Теперь бы всеми был замечен,
И мог бы в обществе принести
Вам соблазнительную честь?»³⁾

Татьяна не права. Онегин искренно ее теперь любит. Но она имела основания обратиться к Онегину с такими упреками. Она теперь не доверяет Онегину, видит в нем лишь «Дон-Жуана», каким он раньше часто бывал, наконец, она видит, что Онегин—сам не господин своего чувства, если оно и искренно.

¹⁾ «Е. О.», гл. 8-ая, строфа XLVII. (Соч., т. III, стр. 314.)

²⁾ Вступительная статья к «Евгению Онегину» в III т. венгеровского издания.

³⁾ «Е. О.», гл. 7-ая, строфа XLIV. (Соч., т. III, стр. 313—314.)

«Как с вашим сердцем и умом
Быть чувства мелкого рабом?»¹⁾ —

язвительно замечает она ему. Она не знает, как долго продлится его страсть к ней. Быть может, через год—два он снова охладет. А Татьяна из таких натур, которым надо или все или ничего. Поэтому, если Татьяна продолжает еще любить Онегина, в чем ему и признается, то это любовь только сердца, а не ума. Умом Татьяна уже не может любить Онегина. Иванов-Разумник думает, что Белинский ошибается, считая Татьяну неспособной бороться за свое счастье. Если бы она могла теперь верить в Онегина, она, может быть, и пошла бы за ним.

Но все эти догадки произвольны. Пушкин не раскрыл нам тайны души Татьяны. Думается, что мотивы, по которым она отказала Онегину, были сложны, что никак нельзя отказ этот объяснить чем-либо одним.

Несомненно, Пушкин хотел показать, что Татьяна разочаровалась в Онегине. Иначе незачем было бы ему вести ее в кабинет Онегина и заставлять читать его книги. Эта сцена была бы прямо лишней, если бы Пушкин, как думал Достоевский, хотел в отказе Татьяны изобразить особое величие ее души. Ведь Татьяне легче было отказать Онегину, когда она уже знала об его пустоте и непостоянстве, чем если бы она по-прежнему оставалась в неведении относительно истинных свойств его характера и считала бы его вполне достойным человеком. В последнем случае подвиг ее был бы выше.

Нельзя сказать,—далее,—чтобы и Белинский в своем суждении был совсем не прав. Светское общество, несомненно, оказало на Татьяну сильное влияние, заставило быть неискренней, лживой. Татьяна переродилась, и не к лучшему. Она говорит, что ей противны «постылой жизни мишура», ее «успехи в вихре света» и «модный дом и вечера», что все это, «весь этот блеск и шум и чад», она готова была бы отдать «за полку книг, за дикий сад». Однако, Татьяна не находит в себе сил порвать с обществом, или хотя бы заняться теми же книгами и в них найти утешенье, как поступали, хотя и редко, некоторые ее современницы, напр. кн. З. Волконская, С. Д. Пономарева и др.

Нельзя отрицать, конечно, и того, что Татьяна чувствовала себя обязанной перед мужем. Она вышла замуж без любви; вероятно, не обещала мужу любить его, но обещала быть верной. Надо также думать, что, воспитанная в традиционных предрассудках, Татьяна была наивно-религиозна и верила в безусловную святость и ненарушимость церковного брака, как таинства. Возможно, что это убеждение было одной из главных причин в отказе Татьяны.

Наконец, Татьяна была слишком умна и горда, а жизнь сделала ее достаточно трезвой, чтобы она могла опрометчиво решиться на крупный скандал, вытерпеть сплетни и толки, а потом, возможно, быть брошенной и осмеянной.

Вероятнее всего предположить, что не одно какое-нибудь соображение, а все указанные причины вместе, каждая в известной степени, повлияли на ее отказ. Подробно излагать Онегину мотивы отказа Татьяна не хотела, да и не могла; а слова ее: «я другому отдана; я буду век ему верна», может быть, были просто отговоркой, и доискиваться какого-то особого смысла в каждом слове этой фразы вовсе не нужно.

В конце концов для нас не так уж и важно, почему именно Татьяна не пошла за Онегиным. Гораздо важнее для нас вообще судьба Татьяны. И тут уж не должно быть места каким-нибудь сомнениям и спорам. Татьяну необходимо рассматривать прежде всего, как женщину своей эпохи, женщину 20-х г.г. прошлого столетия.

¹⁾ Там же, строфа XLV, стр. 314.

Нам вполне понятен протест Белинского против брака не по любви, против стесняющих свободное чувство уз брака, против приниженного положения женщины, которую отдают замуж; мы вместе с Белинским порадовались бы за Татьяну, если бы она сумела разорвать «узы брака» и доказать свое право на счастье, но Белинский совершил большую ошибку, применив идеи своей эпохи, 40-х годов, к 20-м годам. Правда, времени прошло как будто и не особенно много, но взгляды на женщину за это двадцатилетие успели коренным образом измениться. В эти годы как раз впервые был поставлен «женский вопрос». Русскому читателю стали известны произведения Жорж-Санд, появились и у нас женщины писательницы, среди которых первое место занимает сочувственно встреченная Белинским «Зенеида Р—ва» (Е. А. Ган), отстаивающая в своих повестях как раз право женщины любить по своему выбору. В 20-х же г.г. об этом еще не говорили; женский вопрос еще не поднимался. Конечно, Пушкин мог бы, нисколько не погрешая против художественной правды, заставить Татьяну пойти за Онегиным, но тогда Татьяна перестала бы быть типичной, тогда она стала бы редким исключением, а Пушкин хотел изобразить судьбу, хотя и лучшей в своей среде, но все же типичной женщины. На это Белинский не обратил должного внимания. Татьяна его не удовлетворила, не удовлетворяет она и нас, но виновата в этом не она и не Пушкин, а виновата эпоха, среда, в которой Татьяне приходилось жить. Виноваты условия русской жизни, какими они были 100 лет тому назад.

Мы уже говорили, что, благодаря этим условиям, благодаря нелепому воспитанию, Татьяна, как и все женщины высшего круга, была крайне малокультурна, невежественна, суеверна. Вследствие узости своего духовного кругозора, она как бы не видела настоящей жизни, не видела кричащей несправедливости крепостничества, когда жила в деревне, не видела возмутительной роскоши гостиных и салонов рядом с вопиющей нуждой и бедностью улицы; она не ставила себе вопросов, на какие средства создается и чьим трудом поддерживается вся эта роскошь.

У ней даже и мысли не могло родиться о том, что есть какая-то иная жизнь, кроме жизни личной, семейной, что есть на свете какие-то страдания, кроме страданий от неудовлетворенной любви, что и с разбитым сердцем можно посвятить свои силы на благо других, можно отдаться культурной работе, и в ней найти себе удовлетворенье и счастье... Всего этого Татьяна не думала. Но, повторяем, виновата в этом не Татьяна,—все же рядовой человек, не гений,—виноваты условия тогдашней жизни и взгляды на положение женщины вообще (не в России только), господствовавшие в ту эпоху, когда о культурном деле для женщины ни у кого не было и мысли. Поэтому-то Татьяна и является для нас великолепным историческим типом, поэтому-то рассматривать и правильно оценивать ее можно только, став на эту историческую точку зрения.

Похожий на Татьяну образ нарисован, хотя гораздо слабее, и в «Дубровском». Судьба его героини—Марьи Кирилловны Троекуровой, близка к судьбе Татьяны. Она также получила французское воспитание, далекое от жизни, также влюбилась в человека, не похожего на всех, также была выдана замуж за нелюбимого, богатого старика, и также сочла нужным остаться ему верной после брака.

Такого же рода тип, только еще более упрощенный, находим в «Метели», где верность брачному обету доведена до нелепости. Марья Гавриловна повенчана случайно, неизвестно с кем, и все же считает себя связанной узами брака. Быть может, сопоставление Татьяны с героинями

«Дубровского» и «Метели», с их взглядами на брак, и дает нам также известное право думать, что и в отказе Татьяны Онегину не малую роль сыграло убеждение в греховности расторжения брака. Черта—тоже очень типичная для пушкинской эпохи.

Порвать с традиционными взглядами на женщину могли только исключительные натуры. Их было в то время крайне мало, но все же они были. Пушкин сумел разглядеть и такой образ совершенно исключительной русской женщины и вывел его в своем «Рославлеве». К сожалению, это произведение осталось неоконченным и потому не обращало на себя должного внимания до самого последнего времени, а в широких кругах читателей, обычно, и вовсе неизвестно. Отсюда—часто повторяемые совершенно неверные взгляды, что Татьяна—венец женских типов Пушкина, что Татьяна—идеальная русская женщина, по представлению Пушкина, чуть ли не образец, которому Пушкин рекомендует следовать. Венцом женских типов Пушкина, несомненно, является Полина, образ, хотя и незаконченный, но все же достаточно ярко обрисованный в 3-х гениальных отрывках романа, которые Пушкин успел написать.

В 1831 г. известный романист Загоскин, только что прославившийся, как автор «Юрия Милославского», выпустил роман под заглавием «Рославлев, или русские в 1812 году». В романе, как видно из заглавия, изображается эпоха Отечественной войны. Написан роман не без таланта, местами живо и художественно, но производит неприятное впечатление своим так называемым «квасным патриотизмом». Основная его идея,—что все русское прекрасно, все французское—плохо. Русские все изображаются необычайно благородными, героями; французы—обычно—пустыми людьми, жалкими трусами. Героиня романа—Полина—влюбляется в пленного французского офицера, Синекура, и вместе с ним должна покинуть Россию. По мысли Загоскина, она—великая преступница, изменница родине, так как вышла замуж за врага отечества, и за это она несет кару—всеми оставленная, погибает от случайной гранаты.

Прочитав роман Загоскина, Пушкин, очевидно, возмущился его фальшивостью, возмущился проводимыми в нем идеями и решил написать своего «Рославлева». Действующим лицам он дал те же имена, но по существу его роман должен был совершенно отличаться от романа Загоскина. Как в «Повестях Белкина», так и здесь, Пушкин выступает не от своего лица, а прикрываясь лицом какой-то дамы, подруги Полины, себя же выставляя в скромной роли «издателя».

«Читая «Рославлева»,—так начинается 1-ый отрывок, «с изумлением увидела я, что завязка его основана на истинном происшествии, слишком для меня известном. Некогда я была другом несчастной женщины, выбранной г. Загоскиным в героиню его повести. Он вновь обратил внимание публики на происшествие забытое, разбудил чувства негодования, уснувшие временем, и возмущил спокойствие могилы. Я буду защитницей тени,—и читатель извинит слабость пера моего, уважив сердечные побуждения»¹⁾.

Затем описывается зима 1811 года, светская жизнь, балы. Полина изображается Пушкиным, как совершенно исключительная, головой выше толпы стоящая личность. Как и Татьяна, она

«чрезвычайно много читала, и без всякого разбора. Ключ от библиотеки отца ее был у нее. Библиотека большею частью состояла из сочинений писателей XVIII века. Французская словесность, от Монтескье до романов Кребийльона, была ей знакома. Руссо знала она наизусть»²⁾.

¹⁾ Соч., т. IV, стр. 247.

²⁾ Там же.

Но отношение Полины к читаемому и к жизни было иное; те вопросы, которые волновали ее, были гораздо сложнее и серьезнее, чем вопросы, волновавшие Татьяну.

В дальнейшем рассказывается, как приехала в Москву знаменитая французская писательница м-м де-Стаël.

«Русское гостеприимство засуетилось; не знали, как угостить славную иностранку. Мужчины и дамы съезжались поглазеть на нее, и были по большей части недовольны ею. Они видели в ней пятидесятилетнюю толстую бабу, одетую не по летам. Тон ее не понравился, речи показались слишком длинны, а рукава слишком коротки. Отец Полины, знавший M-me de Staël еще в Париже, дал ей обед, на который скликал всех наших московских умников»¹⁾.

Но «московские умники» не знали, о чем разговаривать с французской писательницей. Всем было неловко.

«Во все время обеда Полина сидела, как на иголках. Внимание гостей разделено было между осетром и M-me de Staël. Ждали от нее поминутно *bon-mot*²⁾; наконец вырвалось у ней двусмыслие, и даже довольно смелое. Все подхватили его, захохотали, полыхал шопот удивления; князь был вне себя от радости. Я взглянула на Полину. Лицо ее пылало, и слезы показались на ее глазах. Гости встали из-за стола, совершенно примиренные с M-me de Staël: она сказала каламбур, который они поскакали развозить по городу.

«Что с тобой сделалось, *ma chère*?»³⁾ — спросила я Полину: — «неужели шутка, немножко вольная, могла до такой степени тебя смутить?» — Ах, милая, — отвечала Полина, — я в отчаянии! Как ничтожно должно было показаться наше большое общество этой необыкновенной женщине! Она привыкла быть окружена людьми, которые ее понимают, для которых блестящее замечание, сильное движение сердца не потеряны; она привыкла к увлекательному разговору высшей образованности. А здесь... Боже мой! Ни одной мысли, ни одного замечательного слова в течение целых трех часов! Тупые лица, тупая важность, и только! Как ей было скучно! Как она казалась утомленною! Она увидела, чего им надобно, что могли понять эти обезьяны просвещения, и кинула им каламбур. А они так и бросились! Я стореда от стыда, я готова была заплакать!»⁴⁾

В этой замечательной странице перед нами образ истинно-интеллигентной женщины. Ее обида — не личная обида, а общественная скорбь. Ей стыдно не за себя, а за свое общество, которое так осрамилось перед лицом европейской знаменитости...

Второй отрывок переносит нас уже в 1812 год. Мастерскими штрихами рисует Пушкин русское общество, привыкшее боготворить французов и сначала восторгавшееся Наполеоном, но потом струсившее, когда он подошел близко к Москве, и наполнившееся «патриотами».

«Москва изволновалась. Появились простонародные листки Графа Растопчина⁴⁾; народ ожесточился. Светские балагуры присмирели; дамы вструхнули. Гонители французского языка и Кузнецкого моста взяли в обществах решительный верх, и гостиные наполнились патриотами. Кто высыпал из табакерки французский табак и стал нюхать русский; кто сжег десяток французских брошюр; кто отказался от лафита, и принялся за кислые щи. Все заклились говорить по-французски; все закричали о Пожарском и Минине и стали проповедывать народную войну, собираясь на долгих отправиться в саратовские деревни»⁵⁾.

Полина, конечно, думала и чувствовала не так, как все. Она

«не могла скрыть свое презрение, как прежде не скрывала своего негодования. Такая проворная перемена и трусость выводили ее из терпения. На бульваре, на Пресненских прудах, она нарочно говорила по-французски; за столом, в присутствии слуг, нарочно осла-

¹⁾ Соч., т. IV, стр. 248.

²⁾ Т. е. «острого слова».

³⁾ Т. е. «моя дорогая».

⁴⁾ Знаменитые «растопчинские афиши» — прокламации, выходившие в июле и августе 1812 г. В них гр. Растопчин, тогдашний московский главнокомандующий, поддельваясь под народный язык, старался проводить мысль, что Наполеон нам не страшен, что мы его, как говорится, «шапками закидаем», и возбуждал ненависть против французов.

⁵⁾ Соч., т. IV, стр. 249.

ривала патриотическое хвастовство, нарочно говорила о многочисленности Наполеоновых войск, о его военном гении. Присутствующие бледнели, опасаясь доноса, и спешили укорить ее в приверженности ко врагу отечества. Полина презрительно улыбалась. Дай Бог, говорила она, чтобы все Русские любили свое отечество, как я его люблю. Она удивляла меня. Я всегда знала Полину скромной и молчаливой и не понимала, откуда взялась у нее такая смелость. Помилуй, сказала я однажды, охота тебе вмешиваться не в наше дело. Пусть мужчины себе дерутся и кричат о политике; женщины на войну не ходят, и им дела нет до Бонапарта. Глаза ее засверкали. Стыдись, сказала она, разве женщины не имеют отечества? разве нет у них отцов, братьев, мужьев? разве кровь русская для нас чужда? Или ты полагаешь, что мы рождены для того только, чтобы нас на бале вертели в экосезах, а дома заставляли вышивать по канве собачек?... Я не признаю унижения, к которому присуждают нас. Посмотри на M-me de Staël, Наполеон боролся с нею, как с неприятельской силой... А Шарлот Корде?—а наша Марфа Посадница? А княгиня Д(ашкова)? Чем я ниже их? Уж верно не смелостью души и решительностью.—Я слухала Полину с изумлением. Никогда не подозревала я в ней такого жара, такого честолюбия¹⁾.

Эти замечательные слова—первый мощный призыв к равноправию женщин не только в русской литературе, но и в литературе мировой. Здесь указано, чем могла бы быть женщина даже и в то время. Идеалами Полины являются мадам де-Сталь, княгиня Дашкова, — женщины, посвятившие себя литературе и науке; Марфа Посадница и Шарлотта Корде — женщины, активно участвовавшие в политической жизни. Стало быть, перед Полиной ясно рисовались уже дороги, по которым женщина прежде всего должна была идти. Если ей самой не удалось ничего сделать, если она в жизни все же фактически оказалась «лишней», то по настроению, по мировоззрению, она, безусловно, является интеллигенткой. Образ Полины — одна из огромных общественных и литературных заслуг Пушкина.

Третий отрывок, изображающий жизнь Полины в деревне, добавляет также несколько характерных черт к ее образу.

«Целые часы проводила она, облокотясь на карту России, рассчитывая версты, следуя за быстрыми движениями войск. Станные мысли приходили ей в голову. Однажды она мне объявила о своем намерении уйти из деревни, явиться во французский лагерь, добраться до Наполеона и там убить его из своих рук.—Мне не трудно было убедить ее в безумстве такого предприятия,—но мысль о Шарлоте Корде долго ее не оставляла»²⁾.

Затем к ним попадает пленный французский офицер, которого Пушкин также называет Синекуроем. «Полине он понравился тем, что первый мог ясно ей истолковать военные действия и движения войск»³⁾. Завязывается знакомство, и, очевидно, должна была зародиться любовь. Но отрывок оборван, и мы не знаем, как дальше повел бы Пушкин нить событий. Но и то, что имеется в нашем распоряжении, должно быть причислено к замечательнейшим произведениям русской литературы⁴⁾.

V.

Пушкин—певец культуры.—Вопрос о ценности культуры в «Рославле».—Гимн культуре в «Медном всаднике».

Кроме вопроса о женском равноправии, Пушкин затронул в этих же небольших отрывках и другой величайший вопрос—вопрос об общечеловеческой, интернациональной, культуре, о ее непреложной ценности.

«Рославле» Пушкина—протест против узкого патриотизма Загоскина, патриотизма, который в те годы был общепринятым. Пушкин в лице

¹⁾ Соч., т. IV, стр. 249—250.

²⁾ Соч., т. IV, стр. 250—251.

³⁾ Там же, стр. 251.

⁴⁾ См. о Полине статью С. А. Венгерова: «Русская Шарлотта Корде»—Соч., IV, стр. 555—560.

Полины изобразил тоже «патриотку», но патриотку совсем иного типа. Она горячо любит свою родину, она страдает ее несчастиями, ей больно, как мы видели, что русское общество осрамилось перед мадам де-Сталь, больно так, как больно бывает за родного человека, совершившего какую-нибудь глупость, но ее патриотизм никогда не доходил до нелепой мысли, будто все русское хорошо, а все иностранное плохо. Не так давно русское общество было настроено совсем по другому, исповедывало обратный догмат, что все иностранное, особенно французское, хорошо, а все русское плохо. Но увлечение французским было поверхностное, — болтали по-французски, подражали французским модам, обожали французов, не отдавая себе даже отчета, почему именно французы лучше других; поступали так только потому, что на французов была мода. Поэтому русскому обществу ничего не стоило «проворно» переменить фронт, из французomanов сделаться вмиг «патриотами» и объявить гонение на французский язык.

Не так относилась к западной Европе Полина. Она ею тоже увлекалась, но увлечение ее было не поверхностно; она любила Францию, и знала, за что. Она преклонялась перед французской культурой. Полина воспиталась на французской литературе. А французская литература XVIII века была, прежде всего, носительницей культуры, носительницей самых великих идей, которые провозгласило в то время человечество, и эти идеи были действительно дороги Полине, и ничего непатриотичного она не видела в том, чтобы ценить европейскую культуру и ставить ее выше русской, которой в то время еще и не было. В библиотеке отца Полины

«не было ни одной Русской книги, кроме сочинений Сумарокова, которых Полина никогда не раскрывала. Она сказывала мне», — пишет ее «подруга», — «что с трудом разбирала Русскую печать и, вероятно, ничего по Русски не читала, не исключая и стишков, поднесенных ей Московскими стихотворцами». — И удивляться тут нечему: «мы и рады бы читать по-Русски; но словесность наша, кажется, не старше Ломоносова и чрезвычайно еще ограничена... Первые два или три романа появились два или три года назад, между тем как во Франции, Англии и Германии книги одна другой замечательнее следуют одна за другой. Мы не видим еще и переводов; а если и видим, то, воля ваша, я все-таки предпочитаю оригиналы. Журналы наши занимательны для наших литераторов. Мы принуждены все, известия и понятия, черпать из книг иностранных; таким образом и мыслим мы на языке иностранном (по крайней мере, все те, которые мыслят и следуют за мыслями человеческого рода). В этом признавались мне самые известные наши литераторы»¹⁾.

«Проворная перемена» симпатий общества была противна Полине. Своими демонстративными разговорами на французском языке она как бы говорила: если Вольтер, Руссо, Монтескье, если Корнель, Расин, Мольер велики, если их идеи дороги и ценны, если их произведения истинно-художественны, — то разве они хуже стали от того, что войска Наполеона сражаются с русскими войсками? Разве не имеют произведения литературы и великие мысли абсолютной ценности? Полина понимала, что никакая война не в силах обесценить ценностей культуры, что они неизмеримо выше всяких временных национальных столкновений, как бы серьезны ни были эти последние.

Эти великие идеи, высказанные Пушкиным, показывают, насколько он стоял выше идей своего времени²⁾, и каким истинным апостолом общечеловеческой, интернациональной культуры он был.

¹⁾ Соч., IV, стр. 247—248.

²⁾ Припомним тот нелепый повинизм по отношению к немцам и немецкой культуре, который распространился у нас во время только что пережитой войны, особенно в начале ее, когда происходили позорные погромы, когда объявлено было гонение на немецкий язык и даже на немецкое искусство, когда из репертуара театров были изгнаны произведения одного из величайших мировых гениев — Рихарда Вагнера, потому что он немец, когда даже великого Бетховена отваживались играть, выдавая его за «знаменитого нидерландского композитора», как было напечатано в одной афише...

Неизвестно, как Пушкин кончил бы свой роман, но весьма вероятно, что его Полина также вышла бы замуж за французского офицера, и Пушкин показал бы нам, что никакого преступления, никакой «измены» в этом не было бы, так как «человеческое выше национального».

Великим певцом культуры является Пушкин и в одной из замечательнейших своих поэм, до сих пор еще не вполне разгаданной — в «Медном Всаднике» (1833). В стихах изумительной силы и звучности, как бы выкованных из металла, рассказывает Пушкин печальную «петербургскую повесть».

На фоне потрясающей картины стихийного несчастья — наводнения, рисуется судьба бедного чиновника — Евгения. За Невой, на Васильевском Острове, живет его возлюбленная — Параша. Не весело было ему в ночь перед наводнением; думалось, что он беден,

«...что с Парашей будет он
Дни на два, на три разлучен» ¹⁾.

Но в день наводнения его ждало страшное потрясение. Когда —

«Вода сбыва, и мостовая
Открылась...,» ²⁾.

Евгений бросился отыскивать свою Парашу.

«И вот бежит уж он предместьем,
И вот залив, и близок дом...
Что ж это?

Он остановился;
Пошел назад — и воротился.
Глядит... идет... еще глядит:
Вот место, где их дом стоит;
Вот ива. Были здесь ворота,
Снесло их, видно. Где же дом?
И полон сумрачной заботы,
Все ходит, ходит он кругом,
Толкует громко сам с собою, —
И вдруг, удара в лоб рукою,
Захотел...» ³⁾

Евгений сошел с ума... На следующую осень, через год после страшного наводнения, он, бродя по улицам, шел мимо памятника Петра.

«Евгений вздрогнул. Прояснились
В нем страшно мысли. Он узнал
И место, где потоп играл,
Где волны хищные толпились,
Бунтуя злобно вокруг него,
И львов, и площадь, и Того,
Кто неподвижно возвышался
Во мраке медною главой,
Того, чьей волей роковой
Над морем город основался...
Кругом подножия кумира
Безумец бедный обошел,
И взоры дикие навел
На лик Державца полумира.
Стеснилась грудь его. Чело
К решетке холодной прилегло,
Глаза подернулись туманом,
По сердцу пламень пробежал,

¹⁾ Соч., т. III, стр. 475.

²⁾ Соч., т. III, стр. 479.

³⁾ Соч., т. III, стр. 480.

Вскипела кровь. Он мрачен стал
 Пред горделивым истуканом—
 И зубы стиснув, пальцы сжав,
 Как обуянной силой черной:
 «Добро, строитель чудотворной!»
 Шепнул он, злобно задрожав:
 «Ужо тебе!...» И вдруг стремглав
 Бежать пустился. Показалось
 Ему, что Грозного Царя
 Мгновенно гневом возгоря,
 Лицо тихонько обращалось...
 И он по площади пустой
 Бежит и слышит за собой,
 Как будто грома грохотанье—
 Тяжело-звонкое скаканье
 По потрясенной мостовой.
 И озарен луною бледной,
 Простерши руку в вышине,
 За ним несется Всадник Медный
 На звонко-скачущем коне;
 И во всю ночь, безумец бедный
 Куда стопы ни обращал,
 За ним повсюду всадник медный
 С тяжелым топотом скакал»¹⁾.

Таково содержание этой необычайной поэмы. Каков же ее смысл? Ясно, что Пушкин подходит тут к одной из величайших проблем, к проблеме об отношении личности и общества, к вопросу о том, как быть, когда интересы целого,—общества, государства, сталкиваются с интересами отдельных личностей. Имеет ли право личность отстаивать свои права, или она обязана подчиниться безропотно железной воле судьбы? Вот какой вопрос поставлен в «Медном Всаднике». Как же Пушкин его решает?

Было сделано не мало попыток разгадать смысл «Медного Всадника». Белинский, пытаясь выяснить, как разрешил Пушкин эту проблему, истолковал «Медного Всадника» таким образом: перед нами столкновение общего и частного, государства и личности; Петр, или, точнее, его памятник, «кумир на бронзовом коне», является олицетворением государства, общественной необходимости. Для блага целого, для блага России, Петр должен был построить Петербург. И если от неудобного положения столицы, расположенной на низком берегу залива, подверженном наводнениям, страдают отдельные личности, то они, эти личности, не имеют права даже протестовать. Отдельная личность должна перенести все, должна идти на страдания и смерть, хотя бы и бессмысленную, не ропща, раз того требуют интересы целого. Евгений осмелился протестовать, и за то был страшно наказан. «И смиренным сердцем, говорит Белинский, признаем мы торжество общего над частным, не отказываясь от нашего сочувствия к страданию этого частного... При взгляде на Великана, гордо и неколебимо возносящегося среди всеобщей гибели и разрушения, и как бы символически осуществляющего собою несокрушимость его творения,—мы хотя и не без содрогания сердца, но сознаемся, что этот бронзовый гигант не мог уберечь участи индивидуальностей, обеспечивая участь народа и государства; что за него историческая необходимость, и что его взгляд на нас есть уже оправдание... Да, эта поэма—апофеоза Петра Великого, самая смелая, самая грандиозная, какая могла только прийти в голову поэту, вполне достойному быть певцом великого преобразователя России»²⁾.

Итак, по Белинскому, Пушкин всецело на стороне Петра, и осуждает осмелившегося протестовать Евгения, хотя и жалеет его.

¹⁾ Соч., т. III, стр. 480—481.

²⁾ Сочинения В. Г. Белинского, СПб., 1900, т. III, столб. 679.

Это объяснение не лишено известной логичности, но невольно рождается вопрос, неужели Пушкин пришел к такому жестокому мирозерпанию? Неужели, по его мнению, личность действительно так-таки и не имеет никакого права протестовать, когда ее давит общее? И что такое это «общее», как не сумма отдельных личностей? Да разве, наконец, это «общее» или хоть «большинство» что-нибудь потеряло, если бы и Евгений и Параша не погибли? Разве их смерть была кому-нибудь нужна и полезна? Подлинно ли Пушкин так думал и пропел гимн Петру и его делу в «Медном Всаднике»?

Были поэтому высказаны и другие мнения; полагали (напр., Мережковский), что поэма вовсе не дает нам права думать об «апофеозе Петра». Наоборот, — «Медный Всадник» — протест против жестокого дела «кумира»; симпатии Пушкина на стороне Евгения, и если Пушкин не выразил их яснее, то только благодаря цензурным условиям. Сохранилось даже предание, что первоначально после слов Евгения: «Добро, строитель чудотворной!.. Ужо тебе!..» следовал длинный обличительный монолог, который потом Пушкиным был уничтожен.

Пушкин не договорил своей мысли, не поставил, что называется, точки над «и», и это дает повод к таким совершенно различным толкованиям, которые вызывает «Медный Всадник».

Но думается, все же не может быть двух ответов на вопрос: что поэма — гимн Петру, его «апофеоза», как выражался Белинский, — или же написана ему в упрек и осуждение? Стоит только прочесть вступление к повести, чтобы стало ясно, что ни о каких упреках Петру речи быть не может, что Пушкин благоговеет перед Петром и поет гимн его созданию.

«На берегу пустынных волн
Стоял Он, дум великих полн,
И вдаль глядел».

Так торжественно начинается поэма. «Он» — Петр — пишется даже большой буквы. Он — гений; он предвидит будущее. Пушкин рассказывает нам о вещих думках Петра:

«И думал Он:
Отсель грозить мы будем Шведу,
Здесь будет город заложен
На зло надменному соседу.
Природой здесь нам суждено
В Европу прорубить окно»¹⁾...

И вот думы гения осуществились.

«Прошло сто лет, и юный град,
Полночных стран краса и диво,
Из тьмы лесов, из топи блат
Вознесся пышно, горделиво.
Где прежде финский рыболов,
Печальный пасынок природы,
Один у низких берегов
Бросал в неведомые воды
Свой ветхий невод, ныне там,
По оживленным берегам,
Громады стройные теснятся
Дворцов и башен; корабли
Толпой со всех концов земли
К богатым пристаням стремятся;
В гранит оделася Нева,
Мосты повисли над водами;
Темнозелеными садами
Ее покрылись острова»...²⁾

¹⁾ Соч., т. III, стр. 473.

²⁾ Соч., т. III, стр. 473—474.

«Люблю тебя, Петра творенье»,—в восторге продолжает Пушкин,—

«Люблю твой строгий, стройный вид,
Невы державное течение,
Береговой ее гранит,
Твоих оград узор чугунный,
Твоих задумчивых ночей
Прозрачный сумрак, блеск безлунный,
Когда я в комнате моей
Пищу, читаю без лампы,
И ясны спящие громады
Пустынных улиц, и светла
Адмиралтейская игла...
Люблю зимы твоей жестокой
Недвижный воздух и мороз,
Бег санок вдоль Невы широкой,
Девичьи лица ярче роз»¹⁾...

Разве это не гимн! Это гимн Петру и его творенью. Это гимн городу, который основался «по мшистым топким берегам», гимн культуре, которая властной рукой победила дикую природу.

Но как же все-таки, снова спросим, решает Пушкин проблему, которая, несомненно, лежит в основе поэмы, об отношении личности к обществу? Неужели же, действительно, Пушкин вынес такой жестокий приговор отдельным личностям, что они должны гибнуть и не имеют права даже безнаказанно роптать, хотя бы гибель их была абсолютно беспечна? Думается, что не так.

Разгадку смысла «Медного Всадника» надо видеть в заключительных словах «вступления»:

«Красуйся, Град Петров, и стой
Неколебимо, как Россия.
Да умирится же с тобой
И побежденная стихия:
Вражду и плен старинный свой
Пусть волны финские забудут,
И тщетной злобою не будут
Тревожить вечный сон Петра!»²⁾

То, что происходит сейчас, Пушкин, стало-быть, считает ненормальным и несправедливым. Это несправедливое тревожит «вечный сон Петра». Силой культуры стихия побеждена, но еще не окончательно, она еще не «умирилась», по временам еще оказывается сильнее человека, и зло смеется над ним. Это тревожит сон Петра. Но сокрушить создание рук человека природа не в силах. Человеческий гений все-таки сильнее. Пушкин глубоко в это верит. И поэту рисуется будущая эпоха, когда человек станет еще сильнее, когда культура окончательно победит природу. Тогда и наводнения будут не страшны, и ничто уже не будет «тревожить вечный сон Петра». «Медный Всадник», таким образом—гимн именно культуре, и Петру, как проводнику культуры в России. Пушкин говорит нам: человек еще не победил окончательно природы, гармония еще не достигнута. Сейчас положение таково, что часто отдельным личностям приходится гибнуть, когда того требует благо общества, и с этим теперь, к сожалению, приходится мириться, так как без того невозможен прогресс. Но это ненормально. Будет, должна быть, такая эпоха, когда наступит гармония, и тогда отдельные личности не будут страдать от требований общего. Приведет человечество к этой счастливой эпохе культура, и поэтому—слава работникам культуры и их созданиям!

¹⁾ Соч., т. III, стр. 474.

²⁾ Там же.

Есть и еще в «Медном Всаднике» очень важный намек, одна мысль, вскользь высказанная (развить подробнее ее Пушкин не мог, конечно, если бы и хотел, прежде всего, по цензурным условиям),—намеком социального характера. Гибнуть чаще всего приходится бедноте, представителям социальных низов; целое, государство, особенно безжалостно давит именно бедные классы. То, что Евгений и Параша погибли во время наводнения, конечно, случайность, но не случайность, что пострадавшие принадлежали к бедному классу. Из богатых и власть имущих не погиб никто. Они живут не в лачужках на берегу залива, а в роскошных каменных домах и дворцах, которым не страшны никакие волны. И до наводнения у Евгения были очень характерные мысли. Он думал:

«О том,
Что был он беден; что трудом
Он должен был себе доставить
И независимость и честь;
Что мог бы Бог ему прибавить
Ума и денег. Что ведь есть
Такие праздные счастливы,
Ума недалекого, ленивы,
Которым жизнь куда легка!»¹⁾

Тут Пушкин подходит к не менее огромному вопросу, к огромной социальной проблеме—к мысли о том, что есть богатые и бедные, что их судьба неодинакова, и что в этом величайшая несправедливость современного общественного строя...

VI.

Пушкин—певец гуманности. Стихотворение «Романс». Отношение Пушкина к Наполеону. «Скупой рыцарь». Повесть—«Станционный смотритель». Поэма—«Цыгань». Пушкин—великий знаток человеческого сердца. Трагедии Пушкина. Другие стороны творчества Пушкина.

Давая себе оценку в «Памятнике», Пушкин, между прочим, сказал, что он «чувства добрые» «лирой пробуждал» и «милость к падшим призывал». Под этими формулами мы должны понимать два основных свойства поэзии Пушкина—его исключительную гуманность и изумительное знание человеческой души.

Пушкин был необычайно чуток к страданиям человеческим. Еще в юные годы, в лицее, когда Пушкин был таким жизнерадостным, шаловливым и как будто бы легкомысленным; когда склонен был смотреть на жизнь эпикурейски, как на непрерывную цепь наслаждений, и воспевал вино и легкие утехы любви,—еще тогда он пишет замечательное стихотворение «Романс» (1814), где так сочувственно относится к страданиям «падшей» девушки, принужденной подкинуть своего ребенка.

«Романс» этот, не высоко стоящий по чисто художественным достоинствам, опошленный своим слишком широким распространением, вплоть до включения в репертуар шарманок, очень замечателен по глубине вложенной в него гуманной мысли.

«Под вечер, осенью ненастной,
В пустынных дева шла местах;
И тайный плод любви несчастной—
Держала в трепетных руках...
«Ты спишь, дитя, мое мученье...»

¹⁾ Соч., т. III, стр. 475.

говорит мать ребенку, —

«Не знаешь горестей моих!
Откроешь очи, и тоскуя
Ты к груди не прильнешь моей,
Не встретишь завтра поцелуя
Несчастной матери твоей»...
...Ты спишь!... позволь себя несчастной
Прижать к груди в последний раз.
Закон несправедлив, ужасный
К страданью осуждает нас»... ¹⁾

В те годы, когда на «падших девушек» смотрели обычно только с презрением, когда никто и не думал гуманно относиться к ним, а в среде молодежи, к которой принадлежал Пушкин, к ним относились особенно легкомысленно, — поэт сумел посмотреть на дело совсем по-иному, сумел понять, что совершается в душе такой девушки, заговорил о «законе несправедливом, ужасном», обрекающем людей на страдания.

Страдания возвышают человека и искупают многое. За страдания мы можем питать симпатии даже к злодею, который достоин жалости, так как он тоже человек, тоже страдает. С такой гуманной точки зрения смотрит Пушкин, например, на Наполеона. Оправдать Наполеона нельзя. Он — несомненно «великий человек» и над его могилой «луч бессмертия горит», но он и деспот, тиран, он слишком мало заботился об истинном благе народов, которыми правил, память его — кровавая; вместе с «лучами бессмертия» над его могилой и «народов ненависть почилала»; он «человечество презрел», он «налагал ярем державной на все земные племена»; его «пленяло самовластье»; французов, которые только что добились свободы, он превратил в рабов, опутал их цепями, правда, обвитыми лаврами, но все же его правление — лишь «блестательный позор» для Франции. Однако, кроме этой стороны, есть еще и другая, чисто человеческая.

Наполеон — злодей, деспот, тиран, но он и человек, и, как человек, страдал, проведя годы в изгнании.

«И до последней все обиды
Отплачены тебе, тиран!» — говорит Пушкин.
«Искуплены его стяжанья
И зло воинственных чудес
Тоскою душевного изгнанья
Под сенью чуждой небес» ²⁾.

Ведь развенчанный император жил на пустынном острове одиноким, ведь

«...иногда в своей пустыне,
Забыв войну, потомство, трон,
Один, один о милом сыне
В унынье горьком думал он»...

А раз так, раз Наполеон чисто по-человечески страдал, то и мы можем сказать о нем «слово примиренья».

«Да будет омрачен позором», — заканчивает Пушкин свое гуманное стихотворение, может быть, самое гуманное из всего, что вообще было написано о Наполеоне, —

«Тот малодушный, кто в сей день
Безумным возмутит укором
Его развенчанную тень!» ³⁾

Даже к такому глубоко несправедливому образу, как «скупой рыцарь», Пушкин умеет возбудить сожаление. Человек жил всю жизнь только

¹⁾ Соч., т. I, стр. 157.

²⁾ «Наполеон» (1821). Соч., т. II, стр. 74.

³⁾ Там же.

для того, чтобы копить деньги. Сначала у него была определенная цель. Ему хотелось воздвигнуть «великолепные чертоги», хотелось роскошной, богатой жизни, но потом все это прошло, и он стал копить деньги только для денег; он превратился в маньяка, которого один вид денег приводит в иступленный восторг. Но барон не совсем еще потерял рассудок и человеческий облик. Его еще грызет совесть, этот

«Когтистый зверь, скребящий сердце, совесть,
Незванный гость, докучный собеседник,
Займодавец грубый, эта ведьма,
От коей меркнет месяц и могилы
Смущаются и мертвых высылают» ¹⁾.

Барон не может забыть, что эти деньги дались ему ценою слез многих бедняков, а может быть, и ценою крови. Кроме того, его мучит сознание, что то богатство, которое он «выстрадал» ценою сделок с совестью и всевозможных лишений, скоро, как только он умрет, пойдет прахом. Все перейдет к гуляке-сыну, который расточит его золото. И старик понял, что собирал богатство тленное, что прожил жизнь беспечно.

Нет большей трагедии, как на старости лет, перед лицом приближающейся смерти, понять, что жизнь прожита беспечно. Эту трагедию пережил старый барон, и читателю становится его все же жалко, хотя трудно представить себе более несимпатичный образ. Пушкин хотел сказать, что как бы несимпатичен, как бы нравственно-низок ни был человек, он все-таки человек, он все-таки страдает, и если мы заглянем в его душу, мы найдем в ней нечто такое, за что можем его пожалеть.

А ведь люди часто так слепы к страданиям других, так возмутительно безжалостны, так эгоистичны, так неспособны заглядывать в душу другого человека, особенно если этот человек кажется им неинтересным, маленьким, ничтожным, или принадлежит к другой среде, к другому классу, к другой национальности.

В замечательном рассказе из серии «Повести Белкина» — в «Станционном смотрителе» (1830), Пушкин выводит нам такого «маленького» человека, принадлежащего к другому классу, чем большинство тогдашних читателей.

При Пушкине, когда не было железных дорог, и единственным средством передвижения были лошади, вся Россия была покрыта сетью почтовых станций, на которых едущие меняли лошадей. Станционные смотрители были люди, с которыми проезжающим приходилось постоянно сталкиваться. И часто плохо им приходилось от проезжающих.

«Всю досаду, накопленную во время скучной езды, путешественник вымещает на смотрителе. Погода несносная, дорога скверная, ямщик упрямый, лошади не везут — а виноват смотритель. Входя в бедное его жилище, проезжающий смотрит на него, как на врага; хорошо, если удастся ему скоро избавиться от непрошеного гостя; но если не случится лошадей?... Боже! какие ругательства, какие угрозы посыплются на его голову! В дождь и слякоть принужден он бегать по дворам; в бурю, в Крещенский мороз уходит он в сени, чтобы только на минуту отдохнуть от крика и толчков раздраженного постояльца» ²⁾.

Вот с одним из таких смотрителей Пушкин и знакомит читателя. У него была хорошенькая дочка, которой часто удавалось смирять гнев проезжающих. Один офицер увез ее с собою. У бедного отца этим все было отнято. Он решил идти пешком в Петербург, нашел офицера и дочь. Но его выгнали. Смотритель вернулся домой, с горя спился и умер. Эта грустная история показывает нам, что такой маленький человек, как какой-то станционный смотритель, именно прежде всего человек, что и у него могут быть несчастья и страдания, такие же, как и у всех людей.

¹⁾ «Скупой Рыцарь» (1830). Соч., т. III, стр. 115.

²⁾ Соч., т. IV, стр. 151.

Рассказ Пушкина—вечно современен. Хотя изображаемый в нем быт давно уже отошел в прошлое, повесть нисколько не утратила живого значения и в наше время. И мы часто грешим тем, что, встречая ежедневно людей, занятых исполнением каких-нибудь обязанностей, нам чуждых, забываем, что перед нами прежде всего люди. В вагоне трамвая, на почте, в любом присутственном месте мы требуем всегда точного исполнения своих обязанностей, требуем неукоснительной вежливости, обижаемся на невнимательность, и забываем, что перед нами не манекены, а люди, что они могут устать, что у них может быть крупное семейное горе, забываем, что у них человеческая душа, способная страдать... ¹⁾

Рассказ Пушкина имел огромное влияние на русскую литературу. Он положил начало так называемому «филантропическому» направлению, занимающемуся изображением страданий «униженных и оскорбленных», незаметных, малых, забытых и забытых людей.

Непосредственно за Пушкиным в этом направлении пошел Гоголь с своею «Шинелью», где показал, что ничтожный чиновник, Акакий Акакиевич Башмачкин—тоже человек, тоже «брат наш». Затем—Достоевский, изобразивший жизнь «бедных людей», жизнь «подполья» и «мертвого дома», жизнь подвалов и тюрем, поэт городской бедноты, подавленной страшным гнетом социального неравенства. За Достоевским—целый ряд других писателей, вплоть до Чехова и писателей наших дней, особенно, Кушрина, М. Горького и др., рисующих жизнь бродяг и проституток, показывающих, что есть люди и «на дне» и в «ямах».

Мировоззрение Пушкина,—это мировоззрение любви к человеку, любви к брату своему, призыв к тому, чтобы в каждом человеке мы видели своего брата; это философия глубокого уважения к человеческой личности, к ее запросам и правам.

Высоко ставя любовь к человеку, Пушкин резко осуждает всякий узкий эгоизм. Тип такого эгоиста выведен Пушкиным еще в ранней поэме своей—«Цыганы» (1824). Сильный духом Алеко, которого за что-то «преследует закон», бежит от цивилизованного общества, от «неволи душных городов», где

«...люди в кучах, за оградой,
Не дышат утренней прохладой,
Ни внешним запахом лугов;
Любви стыдятся, мысли гонят,
Торгуют волею своей,
Главы пред идолами клонят,
И денег просят, да цепей» ²⁾.

Он стремится к свободной жизни, и находит такую среди цыган. Цыганка Земфира полюбила его, стала его «свободной» женой. Но прошло два года, она его разлюбила и полюбила другого. Этого не мог вытерпеть Алеко, и убил Земфиру и ее любовника. Он «любил» Земфиру, пока она была его, любил потому, что это ему было приятно, т. е., другими словами, мог любить только себя, и свободу любил только свою. Истинная любовь не совместима с ревностью, истинная свобода не совместима с рабством, а Алеко хочет, чтоб жена была его рабой, и убивает ее, как свою рабу, за попытку жить свободно. Устами старика цыгана Пушкин резко осуждает эгоизм Алеко ³⁾

¹⁾ Этим я, конечно, менее всего хочу сказать, что люди, при исполнении своих обязанностей, имеют право быть невнимательными или невежливыми... Я лишь подчеркиваю, что Пушкин учит нас в каждом видеть человека, способного страдать.

²⁾ Соч., т. II, стр. 243.

³⁾ Такое толкование дал «Цыганам» Белинский, и оно, думается, единственно правильное.

«Оставь нас, гордый человек!»—говорит старик,—
...«Ты не рожден для дикой доли;
Ты для себя лишь хочешь воли»¹⁾).

Это—мировоззрение высокой, истинной, «христианской» любви к людям,—любви, при которой на первом месте не свое «я», а «я» другого, любимого, человека.

Великим знатоком человеческого сердца Пушкин показал себя, главным образом, в своих трагедиях. В исторической драме «Борис Годунов» (1825) перед нами трагедия царя Бориса, достигшего престола неправым путем. Пушкин рисует характер Бориса всесторонне, не только, как честолюбца, которого мучит совесть, но и как мудрого правителя, который искренно желает принести и пользу народу, но не может сделать чуда, не может осчастливить разоренную, истерзанную «смутным временем», войнами, болезнями, голодовками, боярской эксплуатацией и всякими напастями Русь. Борис перед нами не только, как правитель, как царь, но и как человек, как семьянин, как отец, скорбящий о судьбе своих детей. Пушкин понимает, что нет людей абсолютно дурных, как и абсолютно хороших. Добро и зло в человеческой душе причудливо переплетаются, и окончательную оценку очень трудно произнести над человеком.

В «маленьких трагедиях» (1830) Пушкин достигает изумительного по глубине анализа изображения страстей человеческих. Таково изображение скупости в «Скупом рыцаре», о котором уже была выше речь. Таково ироничное изображение зависти, соединенной с возвышенной ревностью к любимому искусству—в «Моцарте и Сальери». Таково великодушное изображение всеподчиняющей и всепобеждающей силы страстной любви в «Каменном Госте». В последней из «маленьких трагедий» «Пир во время чумы»—Пушкин гениально изобразил одно из состояний человеческого духа, когда человек, перед лицом смертной опасности, не только не боится ее, но готов бросать ей смелые вызовы, когда человеческий дух бьется «сильнее смерти и страха смерти».

Среди страшной эпидемии чумы Вальсингам поет ей такой гимн:

«Есть упоение в бою,
И бездны мрачной на краю,
И в разъяренном океане
Средь грозных волн и бурной тьмы,
И в Аравийском урагане
И в дуновении Чумы!
Все, все, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья—
Бессмертья, может быть, залог!
И счастлив тот, кто средь волненья
Их обретать и ведать мог,
И так—хвала тебе, Чума!»...²⁾).

Не все люди бывают столь сильны духом, не все способны на такие героические вызовы смерти, но подобные настроения встречаются. Их, несомненно, пережил и сам Пушкин, с изумительным бесстрашием всегда смотревший в глаза смерти.

Прекрасно изображены душевные переживания покинутой князем девушки в народной песне «Русалка» (1832), в свое время недостаточно оцененной, но полной необычайно тонкого и правдивого воспроизведения народного быта.

Наконец, нельзя еще не остановиться на одном из гениальных сочинений Пушкина, на небольшой повести «Пиковая дама» (1833), на которую тоже сначала не обратили достаточного внимания. В ней Пушкин

¹⁾ Соч., т. II, стр. 248.

²⁾ Соч., т. III, стр. 172.

с изумительным мастерством психолога вскрывает душу психически больного человека, показывает, как переплетается в больном сознании действительное с болезненным бредом, разворачивает перед нами весь процесс «схождения с ума», и в этом отношении он также прокладывает дорогу многим русским писателям, которые так прекрасно изображали потом душевно-больных—Гоголю, Достоевскому, Чехову, Андрееву и другим.

В этом кратком очерке творчества Пушкина, как уже говорилось выше, нет возможности коснуться всех его сторон. Стараясь показать, чем Пушкин особенно ценен в истории нашей духовной культуры, мы не будем подробно останавливаться на великом мастерстве Пушкина, напр., как изобразителя былого. Скажем лишь, что Пушкин научил нас уважать и любить нашу старину, и что в прошлом Пушкин интересовался, главным образом, эпохами переломов, народных волнений и преобразований. Смутное время изображено им в «Борисе Годунове», созданном после внимательного изучения источников; если не все удалось Пушкину изобразить исторически верно, зато он необычайно правдиво сумел нарисовать народную психологию, верно понял причины падения Бориса и возвышения самозванца, причины, заключавшиеся не в их личных свойствах, не в воле отдельных лиц, а причины глубокого социального характера, и дал ряд великолепных типов бояр, монахов, и прекрасно изобразил психологию народа.

Очень интересовала Пушкина и эпоха Петра Великого, который выступает в «Полтаве» (1829) в виде героя-полководца и в «Арапе Петра Великого» (1827) в реальной домашней обстановке и в деловой атмосфере государственной работы, о котором Пушкин упоминает в нескольких мелких своих стихотворениях, и о времени которого хотел писать историческое исследование. Эпоха Екатерины воспроизведена в «Капитанской дочке» и «Истории Пугачевского бунта» ¹⁾. Совсем уже близкая эпоха 1812 года затронута в «Рославле» и ряде стихотворений, посвященных героям 12-го года.

Мы не будем также подробно останавливаться и на произведениях Пушкина в народном духе. Мы упоминали выше, что Пушкин еще в детстве познакомился с русской народной поэзией, с русской сказкой и песней, а потом прекрасно изучил русский быт. В зрелые годы, особенно во время тяжелых переживаний, Пушкин любил уходить в мир сказочных грез и сказочной красоты. С поразительным даром проникновения в сокровищницу русского народного языка, он воссоздает в своих чарующих стихах сказки: «О медведице» ²⁾, «О царе Салтане», «О спящей царевне и семи богатырях», «О попе и его работнике Балде», «О золотом петушке». С наименьшей чуткостью воспроизвел Пушкин также дух и ритм сербского народного эпоса в «Песнях западных славян» и «Сказке о рыбаке и рыбке».

Мы не будем касаться и вопроса о красоте пушкинского стиха, о разнообразии и совершенстве форм пушкинских произведений, того, какие «звучки новые для песен» он «обрел».

Мы остановимся лишь в заключение на одном наиболее важном для нас вопросе—на вопросе о философском взгляде Пушкина на жизнь, на ее смысл и цель, на том, чему учит нас Пушкин.

¹⁾ В «Истории Пугачевского бунта» Пушкин, по цензурным условиям, вынужден был изобразить только внешний ход событий, совершенно не коснувшись их социальных причин,—но они вскрыты в «Капитанской дочке»; пугачевский бунт, как восстание крестьян против помещиков, очерчен там достаточно ярко.

²⁾ «Как весенней теплою порой»... (Соч., т. III, стр. 165.)

VII.

Взгляды Пушкина на смысл и цель жизни. Выработка мировоззрения у самого поэта. Стихотворения: «Пророк», «Элегия», 1830 г., «Поэту», «Из VI Пиндемонте». Анархический идеал. Гимн уму и просвещению «Вакхическая песня».

Пушкин нигде не сказал нам прямо о своих взглядах на смысл и цель жизни, не оставил такого произведения или такой статьи, где бы эти взгляды ясно и последовательно излагались. Свои взгляды на жизнь Пушкин выражал в разное время, мимоходом, в разных произведениях, иногда даже и противореча сам себе, иногда изменяя свои взгляды. Поэтому о взглядах Пушкина на жизнь также думали по-разному, высказывали иногда совершенно противоположные мнения. Некоторые даже договаривались до того, что Пушкин будто... отрицал культуру¹⁾.

Мы уже говорили, что Пушкину пришлось жить в такое время, когда русская интеллигенция только что еще зарождалась, когда у нее еще не было выработанного миросозерцания, когда не были еще проложены пути общественной жизни и деятельности, когда масса высшего общества жила совершенно неинтеллигентной жизнью, и когда выработка мировоззрения была делом необычайно трудным, так как до всего приходилось доходить самому, своим самостоятельным умом.

Не легко далась Пушкину выработка миросозерцания. В юные годы, особенно после окончания лицея, также на юге, он не раз подпадал под дурные влияния той среды, в которой вращался. Хотя среди знакомых Пушкина было не мало талантливых, умных и образованных людей, но это были преимущественно люди, вышедшие из бездельного и неинтеллигентного по духу дворянского класса, которые, привыкнув жить на даровые средства, выше всего ставили мимолетные наслаждения жизнью, которые часто не задавались никакими возвышенными целями, принадлежа к составу так называемой золотой молодежи, кутили, тратили тысячи, добытые крепостным трудом, на удовольствия, попойки, разврат...

Пушкин был не такой, как все. Среди разгула и кутежей, он находил время учиться, заниматься, писать, всем интересоваться.

Еще в юные годы, в Петербурге, Пушкин поражает нас часто тем, что он все знает, всем интересуется, обо всем имеет свое веское, продуманное, основательное суждение. Среди веселья и гостей Пушкин каким-то чудом находит время для занятий.

Правда, часто он тратил слишком много времени понапрасну, но иногда ему удавалось взять себя в руки.

Из Кишинева он с гордостью пишет:

«В уединении мой своенравный гений
Поэнал и тихий труд и жажду размышлений.
Владею днем моим; с порядком дружен ум;
Учусь удерживать внимание долгих дум;
Ищу ознаградить в объятиях свободы
Мятевной младостью утраченные годы
И в просвещении стать с веком наравне»²⁾.

Но потом снова господствовавший в обществе тон захватывал его и отвлекал от дела. Только к 25 годам, попав в ссылку, в Михайловское, Пушкин окончательно сумел взять себя в руки и поставить крест над

¹⁾ М. О. Гершензон—в интересной, но парадоксальной по выводам статье «Мудрость Пушкина» (Сборник «Мысль и слово», т. I. М. 1917, а затем в книге под тем же названием М., 1919).

²⁾ «Чаадаеву» (1821)—Соч., т. II, стр. 62.

своим несколько беспшибанным прошлым. С ним случилось перерождение; в нем окончательно сформировался истинно-интеллигентный человек.

Как раз в это время он пишет одно из самых замечательных своих произведений—своего «Пророка» (1826):

«Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился,
И шестикрылый Серафим
На перепутьи мне явился;
Перстами легкими, как сон,
Моих зениц коснулся он;
Отверзлись вещие зеницы,
Как у испуганной орлицы.
Моих ушей коснулся он,
И их наполнил шум и звон;
И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.
И он к устам моим приник
И вырвал грешный мой язык,
И празднословный и лукавый,
И жало мудрыя змеи
В уста замершие мои
Вложил десницею кровавой.
И он мне грудь рассек мечом,
И сердце трепетное вынул,
И угль, пылающий огнем,
Во грудь отверстую водвинул.
Как труп, в пустыне я лежал,
И Бога глас ко мне воззвал:
«Встань, Пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею Моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей»¹⁾.

Много было споров о смысле этого стихотворения. Одни утверждали, что Пушкин говорит тут о самом себе и о призвании поэта; другие указывали, что—это просто изображение древнего пророка, как он рисуется в Библии или в Коране, и что Пушкин, создавая это стихотворение, вовсе не думал о поэте. Действительно, черты, которыми Пушкин рисует своего пророка, близки к чертам Библии и Корана, но было бы большой ошибкой полагать, что, создавая «Пророка», Пушкин не думал о поэте, о своем призвании. Пушкин именно рисовал образ поэта-пророка.

В стихотворении «Поэт» («Пока не требует поэта к священной жертве Аполлон»), написанном немного после (1827 г.), Пушкин прямо нам говорит, что и поэт испытывает такое же перерождение, как пророк. Пророк, пока не получил вдохновения, «в пустыне мрачной влачился»; у поэта—«душа вкушает хладный сон», пока «молчит его святая лира». Пророка возрождает явившийся «на перепутьи» серафим, поэта—Аполлон:

«Но лишь божественный глагол
До слуха чуткого коснется,
Душа поэта встрепетается,
Как пробудившийся орел»²⁾.

А у пророка «отверзлись вещие зеницы, как у испуганной орлицы». Даже образы те же самые. «Божественный глагол» касается слуха поэта, стало быть, повеленье Бога—«глаголом жги сердца людей» слышит именно поэт. Не даром юный Пушкин, чувствуя свой талант еще недостаточно

¹⁾ Соч., т. II, стр. 404—405.

²⁾ Соч., т. II, стр. 456.

сильным, но уже предвкусывая этот «Божий глас», с горечью в сердце говорит: «О если б голос мой умел сердца тревожить», а в конце жизни ставит себе в заслугу, что в свой «жестокий век» он «восславил свободу».

Мы бы сказали даже, что образ пророка—не только образ поэта, а образ всякого интеллигентного деятеля,—революционера, ученого, артиста,—который в юности томился «духовной жаждою», пока не нашел еще своего призвания, не постиг еще цели жизни; но вот его что-то осеняет, он чувствует свое отличие от толпы, он сознает свой долг, и идет на служенье ему...

Итак, в Пушкине родился истинно-интеллигентный человек, Пушкин понял, что его цель, как поэта,—«глаголом жечь сердца людей», «провозглашать любви и правды чистые ученья», как сказал другой великий русский поэт, продолжатель дела Пушкина¹⁾.

Сознав свой долг, Пушкин приходит в ужас, что слишком много времени он потратил даром, что слишком мало он еще слушался этого веления божественного гласа. В замечательной «Элегии» 1830 года Пушкин с неизъяснимой грустью говорит:

«Безумных лет угасшее веселье
Мне тяжело, как смутное похмелье»²⁾.

На будущее Пушкин смотрит бодро, но не обольщается ложными надеждами. Он знает, что его путь,—путь поэта-пророка, путь общественного деятеля, путь культурного работника,—усеян страданиями. Этих страданий, с которыми неизбежно связано всякое культурное дело, не надо бояться.

«Мой путь уныл»,—говорит Пушкин в той же элегии,—
«Судит мне труд и горе
Грядущего волнуемое море.
Но не хочу, о други, умирать;
Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать»³⁾.

Жить, чтоб мыслить и страдать. Мыслить, работать, и, раз нельзя жить, мыслить и работать без страданий, то—пусть и страдать. Счастье—не в отсутствии страданий, а в нравственном удовлетворении. Среди страданий не последнее место занимает то непонимание, каким обычно бывает окружен интеллигентный работник, которого часто считают за безумца. И Пушкин советует тем людям, которые выше толпы, не обращать внимания на окружающих и жить так, как они, по своей совести, считают нужным. В одном из самых замечательных своих стихотворений, в сонете «Поэту» (1830), Пушкин дает великий совет, который может быть отнесен тоже не только к поэтам, но и ко всем интеллигентным деятелям вообще:

«Ты царь: живи один. Дорогою свободной
Иди, куда влечет тебя свободный ум,
Усовершенствуя плоды любимых дум,
Не требуя наград за подвиг благородной,—
Они в самом тебе»...⁴⁾

Счастье, стало быть, в сознании, что ты живешь не даром, что ты делаешь великое, культурное дело, и если тебя не понимают, не смущайся, будь горд судом своей собственной совести, не дорожи «любовию народной», т. е. любовию толпы, одобрением окружающих тебя обывателей, минутным успехом.

¹⁾ Лермонтов, «Пророк».

²⁾ Соч., т. III, стр. 82.

³⁾ Там же.

⁴⁾ Соч., т. III, стр. 30.

Но какими же «глаголами» должен поэт «жечь сердца людей», куда его должен влечь свободный ум, каковы его любимые думы?

Как мы видели, в юные годы Пушкин был певцом свободы, свободы политической и социальной; он ненавидел всякое рабство и угнетение, ненавидел тиранов, призывал своих товарищей разрушить «самовластье», посвятить «отчизне» «души прекрасные порывы», способствовать всеми силами наступлению «минуты вольности святой». Цель жизни, таким образом, представлялась Пушкину в борьбе за свободу, в борьбе за просвещение, так как Пушкин мечтал о наступлении «свободы просвещенной». Изменил ли этим взглядам Пушкин впоследствии? Мы уже говорили, что считать Пушкина изменником идеалам свободы нельзя, но в мысли свои Пушкин внес некоторые важные поправки.

В последние годы жизни Пушкин много думал о том, в чем заключается истинная свобода, и высказался об этом достаточно ясно.

Существует великий спор о том, где свобода—вне нас или в нас самих. Большинство отвечает обыкновенно, что вне, и потому старается освободиться от всего, что извне сдавливает свободу человека—от гнета тиранов, от гнета дурной власти, от гнета капитализма и пр. Другие же говорят, что все это внешнее освобождение не дает истинной свободы, так как свобода—в нас самих, внутри нашей души, в освобождении от своих страстей. Так учил Л. Н. Толстой, ссылаясь на слова Евангелия: «Царство Божие внутри вас»,— и думал, что этой внутренней свободы нельзя отнять у человека, что она совместима даже с внешним рабством и насилием, и что противиться насилию вовсе не нужно.

Кто же прав? Думается, что не правы ни те, ни другие. Правда в соединении и того и другого учения. Правда в том, что свобода и вне нас, и внутри нас. Если человек будет внешне свободен, если он добьется идеального политического и социального строя, но не будет внутренне свободен, не будет господином над самим собою, не станет сам выше, культурнее, чище, не выработает в себе интеллигентного мировоззрения и не поставит себе интеллигентных целей жизни,—то в такой свободе—мало ценн. Этот человек все же будет рабом, и ценности в его жизни не будет никакой. Но большой ошибкой является мысль, что можно обойтись с одной внутренней свободой. Она теснейшим образом связана со свободой внешней. Если человек, лишенный внешней свободы, и может быть внутренне свободен и совершенен—то это лишь редкое исключение. Внешние условия жизни—политические, социальные, особенно экономические, оказывают на человека такое огромное влияние, что освободиться от действия их он обычно бывает не в силах, а потому, не завоевав внешней свободы, он не может быть и внутренне свободен. Итак, идеал,—свобода и вне и внутри. Необходимо бороться и за внешнюю свободу—за лучший государственный строй, за свободу политическую, социальную, и в то же время стремиться к свободе внутренней, к борьбе со всем тем, что принижает человека, превращает его в обывателя, стремиться к тому, чтобы стать истинно-интеллигентным человеком.

Эти мысли были и у Пушкина. И он понимал, что необходима свобода и внутренняя и внешняя, и в этом смысле мировоззрение Пушкина шире и полнее, чем мировоззрение Л. Н. Толстого.

Мы видели, что Пушкин был апостолом внешней, политической и социальной свободы, и в своем «Памятнике», почти перед смертью, подтвердил, что от этих идеалов свободы он не отрекся и борьбу за эту свободу считает одной из важнейших заслуг своей жизни. Но в последние годы жизни Пушкин приходит к мысли и о другой свободе—свободе внутренней. Свои думы он выразил в одном из замечательнейших стихотворений последнего года жизни, носящем несколько странное заглавие «Из

VI Пиндемонте» (1836)¹⁾—стихотворении, которое часто толковалось как проявление консерватизма Пушкина.

При поверхностном взгляде на стихотворение оно, действительно, может показаться консервативным.

Начинается оно так:

«Не дорого ценю я громкие права,
От коих не одна кружится голова.
Я не ропщу о том, что отказали боги
Мне в сладкой участи оспаривать налоги,
Или мешать царям друг с другом воевать;
И мало горя мне—свободно ли печать
Морочит олухов, пль чуткая цензура
В журнальных замыслах стесняет балагура.
Все это, видите-ль, слова, слова, слова»...²⁾

Пушкин на много опередил своих современников, перерос их на целое столетие, а может быть, и больше. У современников Пушкина «кружилась голова» от «громких прав», им казалось, что завоевание этих конституционных прав является спасением от всех бед. Но Пушкин понимал уже, что если общество и добьется этих прав, то это далеко еще не все, что при отсутствии высокой культурности в обществе—это, может быть, почти ничего. Все эти права могут не принести никаких реальных улучшений народной жизни и обратятся только в «слова, слова, слова». В свое время подобные мысли, конечно, казались ересью. Но мы сейчас не можем быть столь строгими к таким свободным суждениям, несогласным с тем, как думают все. Мы знаем, что, например, еще совсем недавно, чуть ли не идеалом государственного устройства казался парламентаризм, парламентский строй; он казался спасением страны, и в нем готовы были видеть панацею от всех общественных зол. Но быстро рухнул этот идеал, и мы теперь понимаем, что парламентаризм, если бы он осуществился, тоже мог бы превратиться в одни «слова, слова, слова» и не принес бы массам реального улучшения жизни, и мы знаем, что на смену парламентаризму пришли и осуществляются совсем иные общественные идеалы. Мы быстро изверились в том, во что недавно еще верили. Так и Пушкин изверился в том, что казалось ему непререкаемым раньше. Но современники не могли этого понять, и объяснили все дело «изменой» идеалам свободы. Пушкин же говорит:

«Иные, лучшие мне дороги права;
Иная, лучшая потребна мне свобода...
Зависеть от властей, зависеть от народа—
Не все ли нам равно? Бог с ними!... Никому
Отчета не давать; себе лишь самому
Служить и угождать; для власти, для ливрей
Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи;
По прихоти своей скитаться здесь и там,
Дивясь божественным природы красотам,
И пред созданными искусств и вдохновенья
Безмолвно утопать в восторгах умиленья—
Вот счастье! Вот права!»³⁾

Нужно только понять эти гордые слова как следует, безо всякого предубеждения. Нужно понять, что Пушкин имел право так сказать, что он не должен был думать иначе, потому что он был—Пушкин, величайший из величайших гениев.

Это не консерватизм, как казалось и кажется многим людям с узким сознанием, это—своего рода анархизм. Это протест великой

¹⁾ Пиндемонте—итальянский поэт.

²⁾ Соч., т. IV, стр. 43.

³⁾ Там же.

личности, внутренне свободной, против всякой власти над личностью. Это мощный клич—к свободе будущего.

Но Пушкин менее всего был утопистом. Пушкин прекрасно понимал, что и в те годы, в которые он жил, и в последующие, этот «анархический» идеал практически не осуществим, не осуществим в широких размерах; Пушкин и не говорит ничего о практическом осуществлении этой свободы. Это—только мечта поэта, это—пожелания, которые, если и могут осуществиться, то лишь в неопределенно-далеком будущем. Таким гражданином далекого, светлого, свободного будущего и был Пушкин.

Этот идеальный, анархический, истинно свободный строй, когда личность человеческая не будет зависеть ни от чего, когда ее свобода действительно не будет подавляться ни властями, ни народом, если и возможен, то лишь тогда, когда все люди будут столь духовно высоки, культурны, интеллигентны, как Пушкин и подобные ему. Тогда не нужна будет никакая принуждающая власть, каждый будет знать, что ему делать, и никогда не сделает ничего дурного. Мечту о такой эпохе Пушкин и выразил в стихотворении «Из VI Пиндемонте».

Но что же делать теперь, когда идеал еще не достигим, и не возможен? Ответ ясен. Стремиться к нему, поскольку это возможно. Поскольку возможно, и теперь ни перед кем «не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи», и теперь стремиться находить счастье в том великом, что составляет самое ценное в жизни. Орада в самой жизни. В ней много зла и горя, но много и прекрасного. Нельзя забывать этого прекрасного из-за того, что есть дурное. Во всяком явлении нужно обращать внимание на его хорошую сторону. Нужно светло смотреть на жизнь. Это светлое принятие жизни, принятие мира и является самым характерным для миропонимания Пушкина. Нет большего счастья, как восторгаться прекрасным. Прекрасна прежде всего природа, неисчерпаемо разнообразная в своей божественной красоте, даже у нас в России, а тем более в других странах, особо прекрасных, как Греция, Италия, Испания, куда всю жизнь тщетно стремился Пушкин. И вот одна из целей жизни, которую Пушкин ставит—дивиться «божественным природы красотам». Но еще прекраснее, чем природа, создания человеческого гения—создания «искусств и вдохновенья». Величайшие создания красоты—дивные храмы и здания, гениальные творения композиторов и художников, великие создания поэзии—вот что украшает жизнь. Постигнуть все это—величайшее счастье, из-за которого и стоит жить. Поистине счастлив тот, кто всем этим наслаждается, кто постигает произведения человеческого гения, кто сумеет открыть для них свою душу,—

«И перед созданиями искусств и вдохновенья
Безмолвно утонать в восторгах умиления.—
Вот счастье! Вот права!»

Те, кому это доступно—истинные счастливы, истинные «дети солнца». И быть ими должен стремиться всякий.

Современные условия жизни таковы, что таких счастливых слишком мало. Огромные массы, миллионы, совершенно неспособны еще приобщиться к этому счастью по своей некультурности; они еще слепы. А те, кто уже прозрел, часто не могут быть счастливыми, так как им мешают—и современный государственный и социальный строй, основанный на угнетении одним классом других, и малокультурность окружающей среды, и масса других причин. В современной жизни больше зла, чем добра, больше безобразия, чем красоты; в современной жизни нет еще гармонии. Так нужно эту гармонию обрести, нужно победить зло, нужно искать и ценить красоту, нужно, чтобы блага культуры

стали доступны для всех. Такова цель. А средство для ее достижения—борьба за свободу, за культуру, за просвещение.

Поэтому-то Пушкин всегда и был таким апостолом просвещения; поэтому-то он, сдавленный тяжелым гнетом Николаевской действительности, поставившей его почти в невозможность проводить свои идеи, мечтал о научной, о журнальной деятельности, чтобы хотя постепенно распространять в обществе здравые суждения и взгляды о литературе, о науке, об искусстве, о театре.

Цель жизни Пушкин видел и в стремлении к высшей свободе духа, и в стремлении к той светлой эпохе,

«Когда народы, распри позабыв,
В великую семью соединятся» ¹⁾,

когда станет возможной эта истинная свобода. Средство же для достижения этого идеала—просвещение.

Еще живя в Михайловском, Пушкин написал прекрасный гимн просвещению, которым мы и закончим свой очерк мировоззрения Пушкина,—это его «Вакхическая песня» (1825) ²⁾:

«Что смолкнул веселия глас?
Раздайтесь, Вакхальны припевы!
Да здравствуют нежные девы
И юные жены, любившие нас!
Полнее стакан наливайте!
На звонкое дно,
В густое вино
Заветные кольца бросайте!
Подыдем стаканы, содвинем их разом!
Да здравствуют музы, да здравствует разум!
Ты, солнце святое, гори!
Как эта лампада бледнеет
Пред ясным восходом зари,
Так ложная мудрость мерцает и тлеет
Пред солнцем бессмертным ума.
Да здравствует солнце, да скроется тьма!»

Потому-то и дорог нам Пушкин, потому-то и вечен он, потому-то мы и называем его «солнцем русской поэзии», что все его творчество—это мощный гимн к свету, к солнцу, к культуре, к свободе, к счастью.

Все творчество Пушкина в этих словах:

«Да здравствует разум!...
Да скроется тьма!»

VIII.

Как самостоятельно заниматься Пушкиным. По какому изданию читать Пушкина. Что читать из Пушкина. Что читать о Пушкине.

Произведения Пушкина дают нам неисчерпаемый источник наслаждения, знакомят нас с прошлой жизнью России, будят нашу мысль, учат нас, как надо жить. Самое внимательное и подробное знакомство с Пушкиным является, поэтому, настоятельной необходимостью и долгом каждого культурного человека. К сожалению, этого часто многие не сознают, особенно те, которые думают, что они знают Пушкина, которые читали его, когда-то изучали его в школе.

¹⁾ Соч., т. III, стр. 500.

²⁾ Соч., т. II, стр. 288. Стихотворение выдержано в обычном тогда «анакреоновском» тоне, в котором принято было воспевать пиры и вино. Идейный смысл стихотворения заключается, конечно, только во второй его части. Мы приводим его целиком, чтобы не разрушать божественной гармонии стиха и рифмы. Из песни слова не выкинешь.

Необходимо заниматься Пушкиным самостоятельно. Прежде всего большою ошибкою является мнение, что если кто-нибудь когда-то читал Пушкина и даже изучал его, то он его знает. Выше мы видели, как много высказывалось о Пушкине ложных мнений, какой тучей всяких неправильных толкований окружен он. Когда читают Пушкина в детстве, в школе, то обыкновенно все ограничивается лишь знакомством с содержанием некоторых произведений Пушкина, да с некоторыми сведениями об этих произведениях и о жизни поэта. Внутренний же смысл творчества Пушкина, а также великие красоты его произведений обыкновенно не сознаются. Когда взрослому человеку случайно попадает в руки какое-нибудь давно знакомое произведение Пушкина, напр., «Капитанская дочка» или «Повести Белкина», которое он читал когда-то в детстве, и он случайно перечитывает его, то он обыкновенно поражается тем, что оно производит на него совершенно новое, неожиданное впечатление. Большая ошибка думать, что Пушкина достаточно прочесть только один раз. Произведения Пушкина, как и всякого другого великого писателя, нужно читать много раз, и читать не спеша, медленно, вдумываясь в каждое слово, в каждую мысль, и с каждым разом будешь находить в них все новые и новые красоты, все глубже и глубже их постигать.

По какому изданию читать Пушкина?

Далеко не все равно, какое именно издание Пушкина взять в руки. Идеального издания сочинений Пушкина до сих пор нет, плохих же очень много. Поэтому очень важно читать Пушкина по возможно лучшему изданию. Когда пушкинские произведения печатались в первый раз, то их нередко очень искажала цензура. Часть пропусков и изменений делал сам Пушкин, часть делалась без его ведома; с такими же пропусками и поправками печатались те произведения, которые впервые попали в печать после смерти.

Многие произведения Пушкина,—те, которые носят особо протестующий характер, и вовсе долгое время не могли быть напечатаны в России, и печатались за границей, часто не точно, не по пушкинской рукописи, а по чьей-нибудь искаженной записи. Поэтому поправок, пропусков, искажений пушкинского текста накопилось огромное количество; к этому присоединялись всякие опечатки и пропуски, возникшие по небрежности и невежеству издателей, и т. д.

Только в последнее время ряд ученых стал трудиться над воссозданием правильного пушкинского текста, сверяя текст разных изданий, сличая его с рукописями самого поэта, сличая с текстом первых изданий и т. д. И только в новых изданиях текст становится более или менее исправным. Поэтому старыми изданиями Пушкина вообще можно рекомендовать не пользоваться. Правда, для ученых эти старые издания, особенно издания, выходящие при жизни самого поэта, или издание, выпущенное Анненковым в 7 томах в 1855—1857 гг., представляют большую ценность, но при первоначальном изучении Пушкина лучше обратиться к новейшим изданиям.

Самым ценным изданием Пушкина является роскошное издание фирмы Брокгауз и Ефрон под редакцией проф. С. А. Венгерова, в 6-ти томах, выходявшее с 1907 по 1915 г. И это издание не свободно, к сожалению, от ошибок и недостатков, но все же оно далеко оставляет за собою все другие издания. Текст в нем наиболее полный и правильный, все цензурные пропуски восстановлены, за исключением немногих слов, признанных все же цензурою неудобными для печати. Издание очень роскошно по внешнему своему виду, включает в себе массу рисунков, иллюстраций, портретов, снимков с рукописей, так что даже самое поверхностное знакомство с ним, простой просмотр его, может уже дать

много сведений о Пушкине. Но самую ценную часть издания являются многочисленные статьи, совокупность которых представляет, собственно говоря, прекрасную книгу о жизни и творчестве Пушкина. Одни статьи посвящены различным моментам биографии поэта, например, статьи «Детство Пушкина», «От лица до ссылки», «Пушкин в Крыму», «Пушкин в Михайловском» и т. д. Другие—всем наиболее крупным произведениям Пушкина (перед каждым более или менее крупным произведением имеется обстоятельная вводная статья), третьи—друзьям и знакомым Пушкина, напр., Кюхельбекеру, Пущину, Нащокину и т. д. Кроме статей, каждое из поэтических произведений Пушкина снабжено более или менее обширными примечаниями. Статьи и примечания написаны выдающимися учеными пушкинистами. Издание представляет собою настоящую энциклопедию пушкинизма. Несомненно, всякий желающий хорошо познакомиться с Пушкиным, должен основательно изучить это венгеровское издание. Всякий, желающий работать над Пушкиным, найдет в нем же массу сносков, указаний на литературу, в которой без труда сумеет самостоятельно разобраться. К сожалению, это издание очень дорого и трудно доступно. Но все же нужно попытаться достать его в лучших библиотеках, где оно имеется. Москвичи, напр., могут пользоваться им в читальном зале библиотеки Румянцевского Музея или в университетской библиотеке.

В смысле полноты и точности текста с венгеровским изданием может соперничать лишь академическое. К сожалению, это издание до сих пор еще не закончено, хотя началось оно 20 лет тому назад. Вышли только I, II, III и IV тт., обнимающие лишь поэтическое творчество Пушкина с 1812 по 1827 гг., и т. XI, содержащий «Историю Пугачевского бунта». Издание снабжено также обстоятельными примечаниями, но не имеет вводных статей и иллюстраций, так что заменить венгеровского не может. Очень ценно также академическое издание переписки Пушкина, в 3-х тт.¹⁾ Письма Пушкина полны глубокого, захватывающего интереса. В них бездна ума, остроумия, ценнейших мыслей; читаются они, как самый увлекательный роман. Академическое издание печатает не только письма Пушкина, но и письма к Пушкину, что дает возможность наиболее полно восстановить картину его отношений к друзьям и знакомым.

Из других изданий лучшими являются:

Издание Суворина под ред. Ефремова, 8 томов, 1903—1905 гг. В 7-ми тт.—произведения Пушкина, 8-й т.—примечания к ним. Издание «Просвещения» под ред. Морозова, в 8 тт. Издание снабжено вводными статьями и примечаниями²⁾.

Нужно еще указать на издание соч. Пушкина—Поливанова. («Сочинения А. С. Пушкина для семьи и школы с объяснениями... и сводом отзывов критики». Изд. Льва Поливанова. М. 1887; потом несколько раз перепечатывалось). Текст Пушкина в этом издании очень неисправный, кроме того, подвергнутый издателем еще собственной цензуре: пропущено все, что казалось щепетильному издателю неподходящим для «семьи и школы», чем многие произведения Пушкина совершенно обезображены. Но примечания, которые дает издатель к каждому произведению, иногда очень обстоятельны, и в них можно найти не мало интересного материала.

¹⁾ Сочинения Пушкина. Переписка, под ред. В. И. Саитова.

²⁾ В настоящее время вышел уже 1-й том нового собр. соч. Пушкина под ред. В. Я. Брюсова, изд. Госуд. Издат (т. I, ч. 1-ая Лирика М. 1919). Это издание даже полнее венгеровского, так как дает, кроме основного текста Пушкина, еще и варианты. К сожалению, оно не свободно от ряда ошибок и неточностей как в тексте, так и в вводных статьях; но, во всяком случае, пользоваться им можно.

В крайнем случае, можно пользоваться однотомными изданиями Пушкина, последних лет, напр., изданием Вольфа, или изданием под ред. Смирновского, или Александровского, но в этих изданиях уже можно столкнуться с пропусками и искажениями.

Можно также пользоваться и новейшими изданиями отдельных произведений Пушкина из серии «Универсальная библиотека» или «Историко-литературная библиотека» под ред. Иванова-Разумника. Эти издания, обыкновенно, добросовестно перепечатывают текст венгеровского или академического издания ¹⁾.

Что читать из Пушкина?

Мы бы на это ответили—все, от доски до доски. Но все же для тех, кто не имеет возможности детально и долго заниматься Пушкиным, и кто желал бы прочесть у него лишь наиболее значительное и совершенное, мы можем предложить некоторый выбор. Таким лицам можно, напр., не читать «Истории Пугачевского бунта», большинства журнальных статей Пушкина, его черновых заметок и набросков, некоторых второстепенных стихотворений и т. д. Мы помещаем здесь список наиболее важных произведений Пушкина, как крупных, так и мелких, без чтения которых нельзя ознакомиться с Пушкиным. Произведения мы располагаем в хронологическом порядке, по эпохам, присоединяя к некоторым краткую пояснительную характеристику.

1812—1815 годы. Лицейский период. Пушкин—мальчик.

Для характеристики «анакреонтических» стихотворений Пушкина, в которых он воспевал легкие утехы любви, вино, пирушки и др. «легкие мотивы», можно ограничиться следующими: «О, Делия драгая»—первое из известных стихотворений Пушкина; «Леда», «Красавице, которая нюхала табак», «Послание к Наталье», «Пирующие студенты».

Стихотворения, в которых отражаются литературные интересы Пушкина—«К другу стихотворцу», «Городок».

Стихотворения с народным оттенком: «Романс», «Козак», «Бова».

Стихотворение, написанное к экзамену, в духе державинских од—«Воспоминания в Царском Селе».

1815—1817 г.г. Лицейский период. Пушкин—юноша.

Стихотворения в «анакреонтическом» духе: «Рассудок и любовь», «Гроб Анакреона», «Фавн и пастушка», «Торжество Вахха».

«Лицинию»—первое стихотворение с гражданским сатирическим оттенком.

Стихотворения элегически-грустного характера, отчасти связанные с первой любовью Пушкина к сестре товарища—Бакуниной: «К Морфею», «Уныние» («Медлительно влекутся дни мои...»), «К ней», «Месяц», «Уныние» («Мой милый друг, расстался я с тобою...»), «Элегия» («Я видел смерть; она сидела...»).

1817—1820 г.г. Период от лицея до ссылки.

«Вольнолюбивые» стихотворения: «Вольность», «Сказки» (Noël), «К Чаадаеву», «Деревня»; эпиграммы: «На Фотия», «На Карамзина», «На графиню Орлову», «На Аракчеева».

Разные стихотворения: «К портрету Жуковского», «Юрьеву», «Русалка», «Возрождение», «Прелестница», «Мечтателю»

Поэма «Руслан и Людмила».

¹⁾ В настоящее время соч. Пушкина выходят отдельными выпусками в изд. Госуд. Издательства под ред. В. Я. Брюсова.

1820—1824 г.г. Южный период.

Поэмы, так называемые «байронические»: «Кавказский пленник», «Братья-разбойники», «Бахчисарайский фонтан», «Цыганы».

Стихотворения с байронически-мрачным, элегическим настроением: «Погасло дневное светило», «Редеет облаков летучая гряда», «Я пережил свои желанья», «Узник», «Демон», «Свободы сеятель пустынный», «К морю».

Стихотворения «свободолюбивого» и обличительного характера: «Кинжал», «Встань, о Греция, встань», «Послание к цензору» — первое и второе.

Стихотворения интимного характера: «Муза», «Неренда», «Простишь ли мне ревнивые мечты», «Ночь», «Разговор книгопродавца с поэтом».

Стихотворения разного характера: «Наполеон», «Чаадаеву», «К Овидию», «Песнь о вещем Олеге», «Черная шаль», «Царь Никита»¹⁾, «Гавриилада»²⁾.

1824—1826 г.г. Михайловский период.

Крупные произведения: трагедия «Борис Годунов», поэма «Граф Нулин», драматическая «Сцена из Фауста», баллада (с подделкой под народный стиль) «Жених».

Мелкие произведения: «Андрей Шенье», «19 октября», «Подражания Корану», «Пророк», «Ночной зефир струит эфир», «Сожженное письмо», «Вакхическая песня», «Если жизнь тебя обманет», «К* (А. П. Керн)», «Зимний вечер», «Буря», «Зимняя дорога».

1826—1830 г.г. «Годы скитаний».

Крупные произведения: поэма «Полтава», неоконченный исторический роман «Арап Петра Великого», «Путешествие в Арзрум».

Мелкие стихотворения: «Стансы», «Во глубине сибирских руд», «Талисман», «Ангел», «Арион», «Три ключа», «Поэт», «Какая ночь. Мороз трескучий», «Друзьям», «Воспоминание», «Дар напрасный, дар случайный», «Анчар»³⁾, «Утопленник», «Цветок», «Чернь», «Я вас любил: любовь еще, быть может», «Калмычке»⁴⁾, «Кавказ», «Монастырь на Казбеке», «Дон», «Дорожные жалобы», «Обвал», «Брожу ли я вдоль улиц шумных».

1830 г. Болдинский период.

Крупные произведения (драматические): «Скупой рыцарь», «Моцарт и Сальери», «Каменный гость», «Пир во время чумы».

¹⁾ В венгерском издании напечатаны лишь два отрывка. Все произведение, написанное в крайне ириговом духе, но отличающееся большими художественными достоинствами, к сожалению, затеряно. В берлинском издании запрещенных стихотворений Пушкина — издание Русского (Гербеля), Берлин, 1861 г. — напечатан конец стихотворения, воспроизведенный по памяти, с несомненными ошибками. Все стихотворение представляет очень интересную раннюю попытку воссоздать народную сказку тем стихотворным размером, которым потом написана «Сказка о царе Салтане» и другие лучшие сказки Пушкина.

²⁾ Это произведение, отличающееся большими художественными достоинствами, до последнего времени было под запретом, как «кошачье», так как оно представляет ириговое изложение легенды о Благовещении. В венгерском издании напечатано с значительными пропусками. В 1918 г. вышло полное издание под ред. В. Я. Брюсова.

³⁾ Одно из замечательных стихотворений Пушкина, где он выступает с протестом против власти человека над человеком.

⁴⁾ Это и ряд следующих стихотворений очень любопытно сопоставить с соответствующими местами из «Путешествия в Арзрум».

Прозаические: «Повести Балкина» («Гробовщик», «Выстрел», «Метель», «Барышня-крестьянка», «Станционный Смотритель»), «История села Горюхина».

Шутливая поэма «Домик в Коломне».

Мелкие стихотворения: «Поэту», «Мадонна», «Сонет», «Элегия» («Безумных лет угасшее веселье»), «Бесы», «Осень», «Моя родословная или русский мещанин», «Стамбул гауры нынче славят», «Заключение», «В начале жизни школу помню я», «Герой», «На перевод Илиады», «Как весенней теплою порой», «Царскосельская статуя», «Рифма».

1823—1830 г.г. «Евгений Онегин».

1831—1837 г.г. Последний период жизни Пушкина.

Крупные произведения. Поэмы: «Медный всадник», «Галуб», «Анджело».

Романы и повести: «Дубровский», «Капитанская дочка», «Пиковая дама», «Рославлев», «Египетские ночи», «Неоконченные повести», «Кирджали».

Сказки и произведения в народном духе: «Сказка о царе Салтане», «Сказка о попе и его работнике Балде», «Сказка о мертвой царевне и семи богатырях», «Сказка о золотом петушке», «Песни западных славян», «Сказка о рыбаке и рыбке».

Драматические произведения: «Русалка», «Сцены из рыцарских времен».

Мелкие стихотворения: «Эхо», «Перед гробницею святой», «Клеветникам России», «Нет, я не дорожу мятежным наслаждением...», «Подражание Данту», «Подражания древним», «Свят Иван, как пить мы станем», «Гусар», «Родословная моего героя», «Воевода», «Будрыс и его сыновья», «Не дай мне Бог сойти с ума», Мелк. ст.—ия, Соч., т. IV, стр. 21—22, «Полководец», «Туча», «Пир Петра Первого», «Вновь я посетил», «Когда великое свершалось торжество», «Из VI Пиндемонте», «Отцы пустынноики и жены непорочны», «Я памятник воздвиг себе нерукотворный».

Для ознакомления со статьями и заметками Пушкина можно рекомендовать прочесть следующие: «Исторические замечания»¹⁾; о «Юрии Милославском»²⁾; «В одной газете, почти официальной»...³⁾; «О драме»⁴⁾; «О Шекспире»⁵⁾; «Мысли в дороге»⁶⁾; «Лорд Байрон»⁷⁾; «Александр Радищев»⁸⁾; «Вольтер»⁹⁾; «Джон Теннер»¹⁰⁾; «Фракийские элегии»¹¹⁾; «Анекдоты»¹²⁾; заметки Пушкина о своей жизни и своих произведениях¹³⁾.

Из писем Пушкина надо обратить внимание на письма его к кн. П. А. Вяземскому¹⁴⁾; брату Л. С. Пушкину¹⁵⁾; бар. А. А. Дельвигу¹⁶⁾; А. А. Бестужеву¹⁷⁾; В. А. Жуковскому¹⁸⁾; К. Ф. Рылееву¹⁹⁾; П. А. Плетневу²⁰⁾; П. В. Нащокину²¹⁾ и особенно на письма к Н. Н. Гончаровой-Пушкиной (невесте и жене)²²⁾.

¹⁾ Соч., т. IV, 473—475; ²⁾ IV, 545—546; ³⁾ V, 6—7; ⁴⁾ V, 12—16; ⁵⁾ V, 246; ⁶⁾ V, 247—262; ⁷⁾ V, 296—298; ⁸⁾ V, 336—342; ⁹⁾ V, 349—352; ¹⁰⁾ V, 352—365; ¹¹⁾ V, 365—369; ¹²⁾ V, 392—402; ¹³⁾ V, 416—429. ¹⁴⁾ «Переписка» под ред. ак. Сапотова; письма №№ 2, 13, 28, 48, 49, 54, 57, 58, 69, 73, 80, 82, 98, 110, 122, 123, 150, 153, 174, 175, 207, 208, 214, 257, 282, 377, 485, 507, 540, 548, 562, 589, 608; ¹⁵⁾ Письма №№ 16, 29, 36, 37, 53, 65, 72, 81, 101, 109, 117, 128, 132, 147, 149, 151, 154; ¹⁶⁾ Письма №№ 19, 60, 116, 170, 372, 488; ¹⁷⁾ Письма №№ 33, 50, 66, 84, 125, 144, 168, 219; ¹⁸⁾ Письма №№ 103, 111, 161, 173, 215, 848, 850; ¹⁹⁾ Письма №№ 164, 172; ²⁰⁾ Письма №№ 472, 475, 476, 481, 496, 509, 521, 523, 530, 577; ²¹⁾ Письма №№ 541, 547, 552, 554, 576, 607, 651, 695, 706, 756, 764, 783, 885, 944, 1022; ²²⁾ Письма №№ 463, 464, 465, 470, 473, 477, 478, 480, 482, 488, 490, 494, 641, 642, 647, 648, 689, 690, 691, 692, 693, 736, 737, 738, 739, 740, 741, 742, 744, 745, 746, 748, 749, 750, 751, 752, 755, 803, 804, 805, 806, 808, 809, 810, 817, 818, 819, 820, 824, 826, 828, 829, 833, 834, 835, 841, 853, 854, 856, 858, 859, 861, 866, 867, 929, 931, 933, 935, 936, 1010, 1011, 1014, 1015, 1017.

Что читать о Пушкине?

О Пушкине написано чрезвычайно много. Целой жизни не хватит, может быть, чтобы прочесть все, написанное о Пушкине и его творчестве, но, как это ни странно, довольно затруднительно указать какую-нибудь одну хорошую книгу о Пушкине. Такой книги никто еще не написал. Есть книги более или менее хорошо излагающие жизнь Пушкина, по связанного обзора всего творчества поэта указать нельзя. Можно, для предварительного ознакомления с Пушкиным, рекомендовать книгу В. В. Сиповского, «Пушкин; жизнь и творчество», СПб., 1907. Но заглавие книги не точно. Первая часть ее действительно излагает жизнь Пушкина. Вторая же не представляет связанного анализа творчества поэта, а лишь ряд статей, посвященных отдельным произведениям Пушкина.

Для желающих более подробно ознакомиться с жизнью поэта можно указать несколько книг, которые являются для нас первоисточниками. Особенно важны книги П. В. Анненкова. В упоминавшемся уже нами издании сочинений Пушкина под ред. Анненкова первый том составляют «Материалы для биографии Пушкина» (потом вышли отдельным изданием). Анненков знал многих лиц, близко стоявших к поэту, пользовался их рассказами и знал о Пушкине много такого, чего другие ученые знать не могли. Поэтому его рассказы о жизни поэта, о его родных и пр. особенно важны. Но когда Анненков писал свою книгу, цензура была так строга, что о многих фактах, напр., о причинах ссылки Пушкина, ему совсем нельзя было упоминать. Через несколько лет, когда цензурные условия улучшились, Анненков выпустил другую, тоже очень ценную книгу «Пушкин в Александровскую эпоху», СПб., 1874. К сожалению, книга обнимает не всю жизнь Пушкина.

О лицейском периоде—очень ценная статья В. Гаевского («Современник», 1863 г. №№ 7 и 8) и книга Я. Грота, «Пушкин; его лицейские товарищи и наставники», 2-ое изд. СПб., 1899.

Для ознакомления с жизнью поэта на юге—ценной представляется работа П. Бартенева, «Пушкин в южной России», М., 1862; недавно была переиздана (М. 1914).

Недавно вышла очень интересная работа, посвященная последнему времени жизни Пушкина, его дуэли и смерти—П. Щеголев «Дуэль и смерть Пушкина» 2-ое изд. СПб., 1917. Другие периоды жизни Пушкина не вызвали отдельных больших работ. Краткие очерки и указания на литературу—смотри в венгеровском издании.

Из старых книг о Пушкине общего характера можно указать еще:

— Венкстери, А. С. Пушкин. Биографический очерк. М., 1899 и новые изд.

— Острогорский, В. Очерки Пушкинской Руси, изд. 2-е. СПб., 1897.

— Стоюнин, В. Пушкин. 2-ое изд. СПб., 1906.

— Скабичевский, А. Пушкин; его жизнь и литературная деятельность; изд. Павленкова, 4-ое изд., СПб., 1910.

Отдельных моментов жизни Пушкина касается ценная и интересно написанная книга Л. Майкова. «Пушкин». СПб., 1899.

Также—П. Щеголев, Пушкин; очерки, 2-ое изд. СПб., 1913.

Что касается критического разбора произведений Пушкина, то до сих пор сохранила значение в свое время замечательная статья Белинского¹⁾ о Пушкине. Несмотря на целый ряд недостатков, ряд мнений, с которыми нельзя согласиться, несмотря на то, что многие очень значительные произ-

¹⁾ «Сочинения А. Пушкина»—в «Соч. Белинского» и есть отдельные издания, см. напр., «Историко-литературная библиотека» под ред. Иванова-Разумника № 74, 75 или в хрест. Зелинского (см. ниже).

ведения Пушкина совсем не оценены по достоинству Белинским,—его статья все же крайне важна. В начале он излагает обзор допушкинской литературы, желая тем показать, что поэзия Пушкина явилась завершением и наследием целого периода русской поэзии, и потом переходит к разбору отдельных поэтических произведений Пушкина. Наиболее ценны главы, посвященные разбору поэм Пушкина, «Евгения Онегина», «Бориса Годунова», маленьких трагедий и др. Очень ценной является также критика Ап. Григорьева, Соч., т. I или изд. под ред. В. Саводника, вып. III и IV. М. 1915.

С современной Пушкину журнальной критикой можно познакомиться из хрестоматии Зелинского: «Русская критическая литература о произведениях Пушкина», 7 частей. Можно указать и на составленную из различных критических статей о Пушкине хрестоматию В. Покровского: Пушкин, его жизнь и сочинения, изд. 4, М. 1916.

Связный обзор критики о Пушкине находим в книге С. С. Трубачева—«Пушкин в русской критике 1820—1880 г.г.». М. 1889.

Нельзя не рекомендовать и знаменитых в свое время статей о Пушкине Писарева¹⁾. Эти статьи представляются гениальным недоразумением. Писарев совершенно не понял Пушкина, но написаны статьи с необычайным блеском и остроумием, и служат любопытным показателем того, как в 60-ые годы относилась к Пушкину наша передовая молодежь. Из новейших критических очерков наиболее талантливыми являются следующие работы:

- Мережковский. Вечные спутники. Пушкин.
- Овсянко-Куликовский. Пушкин, собр. соч., т. 4.
- Айхенвальд. Пушкин²⁾.

Об отношении Пушкина к западной литературе можно указать главу в известной книге А. Веселовского «Западное влияние в русской литературе», и статью Дашкевича «Пушкин в ряду великих поэтов нового времени». (Соч. Дашкевича—Сборн. Ак. Наук, т. 92).

Об отношении Пушкина к своим предшественникам в русской литературе—Владимиров, П. Пушкин и его предшественники. 1899.

Сборники статей об отдельных произведениях Пушкина:

- Черняев, Н. И. Критические статьи и заметки о Пушкине. Харьков, 1900—(некоторые статьи очень ценны).
- Сумцов, Н. Ф. А. С. Пушкин. Исследования. Харьков, 1900.

В книгах общего характера, посвященных обзору целых литературных эпох, Пушкину обычно уделяются особые отделы и главы. Укажем следующие книги:

- Фишер, В. Учебник по истории рус. лит. Ч. I. Изд. 2. М. 1917.
- Саводник, В. Ф. Очерки по истории русской литературы XIX в., ч. I; много изданий.
- Сиповский, В. В. История русской словесности, ч. III, вып. 1.
- Пыпин, А. Н. История русской литературы, т. IV.
- Пыпин, А. Н. Характеристики литературных мнений с 20 по 50 г.г.
- Котляревский, Н. «Литературные направления Александровской эпохи».

«История русской литературы XIX в.», изд. «Мир», т. II, ст. Овсянко-Куликовского и Лернера.

Из статей, посвященных отдельным (наиболее крупным) произведениям Пушкина, укажем следующие:

¹⁾ См. собр. его соч., т. V, СПб. 1894, стр. 1—122.

²⁾ Можно указать и названную выше недавно вышедшую книгу М. О. Гершензона «Мудрость Пушкина»; основной взгляд автора на Пушкина, как на врага культуры и просвещения, совершенно неверен, но в книге рассеяно много отдельных ценных мыслей (особенно хороши очерки: «Моцарт и Сальери», «Пиковая дама», «Пушкин и Нащокин»).

О «Борисе Годунове»:

— Филонов, А. «Борис Годунов» Пушкина. Опыт разбора со стороны исторической и эстетической. СПб. 1899 (несколько устарело).

— Жданов, И. Н. О драме Пушкина «Борис Годунов». — «Сочинения Жданова, т. II».

Об «Евгении Онегине»:

— Ключевский, В. О. «Евгений Онегин и его предки». — «Очерки и речи» (второй сборник статей), М. 1913, или в новом издании Н. К. Пр. (первоначально: «Рус. Мысль» 1887, № 2).

— Овсяннико-Куликовский, Д. Н. — Глава в его «Истории русской интеллигенции», т. I.

— Котляревский, Н. — Глава в его «Литературных направлениях Александровской эпохи».

— Иванов-Разумник. — Соч., т. V — перепечатка статьи из III т. венгеровского издания; или см. отдельн. изд. «Евг. Онегина» в «Историко-литерат. библиотеке» под ред. Иванова-Разумника.

— Сиповский, В. В. «Онегин, Татьяна, Ленский» — первоначально в «Русской Старине», 1899 г. №№ 5—6; есть отд. оттиски; перепечатана в книге «Пушкин, жизнь и творчество».

О «Капитанской дочке»:

— Черняев, Н. И. «Капитанская дочка». М. 1897; работа очень интересная, хотя значение «Капитанской дочки» несколько преувеличено.

Кроме того, см. соответствующие места в указанных выше общих пособиях и особенно вводные статьи в венгеровском издании.

Сочинения справочного характера:

— Межов, В. И. Puschkiniana. СПб. 1886 — указатель литературы о Пушкине до 1886 г.

— Мезьер. Русская словесность, т. II — библиографический указатель.

— Владиславлев, И. Русские писатели XIX—XX ст., изд. 3., М. 1918, стр. 177—183.

— Сиповский, В. В. «Пушкинская юбилейная литература» (1899—1900), изд. 2-ое, СПб. 1902 — обзор литературы с подробной характеристикой книг и статей.

— Лернер, Н. О. «Труды и дни Пушкина». Изд. 2-ое. СПб., 1908. Хронологическая канва жизни Пушкина. Очень ценный труд, к сожалению, с рядом пропусков. В настоящее время подготовлено 3-е, исправленное и пополненное издание, но в свет еще не вышло.

Для знакомства с эпохой Пушкина можно указать статьи общего характера, посвященные Александровской и Николаевской эпохам в I-м т. «Истории русской литературы XIX в.» под ред. Овсяннико-Куликовского, изд. «Мир»; там же, во II т. см. и подробную библиографию. Также «История России XIX в.», изд. т-ва Гранат, т. I (статьи М. Покровского, Н. Рожнова и др.); М. Покровский, Русская история с древнейших времен, т. IV.

Изучение Пушкина особенно интенсивно стало вестись с его столетнего юбилея, бывшего в 1899 г. В юбилейные годы появилось огромное количество литературы о Пушкине (обзор ее см. у Сиповского), почти все университеты выпустили специальные сборники статей о Пушкине, при Академии Наук был учрежден в память Пушкина «Разряд изящной словесности» и стал издаваться особый орган «Пушкин и его современники», где печатаются статьи, исследования и заметки о Пушкине. До сих пор вышло 30 выпусков этого издания, составляющих очень ценный вклад в науку о Пушкине; в последнем выпуске началось печатание подробного указателя литературы о Пушкине за первое десятилетие XX века. Огромное количество статей о Пушкине появилось в журналах (особенно в исторических: в «Русском Архиве», «Русской Старине», «Историческом Вестнике», «Голосе Минувшего» и др.). В университетах о Пушкине читаются особые курсы и ведутся практические занятия, напр., семинарий проф. Венгерова¹⁾ в петербургских высших учебных заведениях; наиболее ценные доклады, читанные на этом семинарии, печатаются в сборнике «Пушкинист»; вышло пока только 3 выпуска. Изучают Пушкина и за границей.

И все-таки последнее слово о Пушкине далеко еще не сказано. Еще много поколений будет изучать его, постигать его, восторгаться им и учиться у него. Пушкин—один из величайших, вечных гениев, которым в праве гордиться человечество.

¹⁾ Теперь уже —покойного.

О Г Л А В Л Е Н И Е.

	Стр.
Предисловие	3—4
Вступление. Непонимание Пушкина и причины его.—Самооценка поэта.	5—7
I. Пушкин—певец свободы. Настроение передового русского общества в Александровскую эпоху.—Стихотворения Пушкина: «К Чаадаеву», «Вольность», «Кинжал», «Андрей Шенье», «Сказки», эпиграммы, «Первое послание к цензору».—Кара, постигшая Пушкина.—«Послание в Сибирь».—Как объяснить умеренность Пушкина в последние годы его жизни	7—15
II. Пушкин—противник крепостного права.—Личные впечатления.—Стихотворение «Деревня».—Изображение крепостного быта в «Евгении Онегине», в «Дубровском» и «Капитанской дочке», в «Истории села Горюхина».	15—26
III. Пушкин—изобразитель жизни русского общества 20-х гг. XIX ст.—«Обыватели», «длинные люди» и «интеллигенция».—Что надо понимать под словом «интеллигент»?—Анализ типа Евгения Онегина.—Другие мужские типы в произведениях Пушкина.—Ленский, Дубровский и пр.	26—35
IV. Русская женщина 20-х гг. XIX в. в изображении Пушкина.—Женские типы в «Евгении Онегине».—Женщины «обывательского» типа.—Татьяна.—Почему Татьяна не пошла за Онегиным?—Судьба Татьяны.—Героини «Дубровского» и «Метели».—Образ Полины в «Рославлеве»	35—43
V. Пушкин—певец культуры.—Вопрос о ценности культуры в «Рославлеве».—Гимн культуре в «Медном Всаднике»	43—49
VI. Пушкин—певец гуманности.—Стихотворение «Романс».—Отношение Пушкина к Наполеону. «Скупой рыцарь». Повесть «Станционный смотритель». Повесть «Цыганы».—Пушкин—великий знаток человеческого сердца.—Трагедии Пушкина.—Другие стороны творчества Пушкина	49—54
VII. Взгляды Пушкина на смысл и цель жизни.—Выработка мировоззрения у самого Пушкина.—Стихотворение «Пророк».—Элегия 1830 г. «Позду», «Из VI Пиндемонте».—Анархический идеал.—Гимн уму и просвещению «Вакхическая песня»	55—61
VIII. Как самостоятельно заниматься Пушкиным?—По какому изданию читать Пушкина?—Что читать из Пушкина?—Что читать о Пушкине?	61—70

50

НБУК

№ 31

10-00

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва — 1921.

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL

00039871406